

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
ВРАНГЕЛЬ

БЕЛЫЙ КРЫМ

*Белая борьба — это доказательство,
что для сотни тысяч русских людей честь дороже жизни,
смерть лучше рабства.*

БЕЛЫЕ ПОЛКОВОДИЩИ

Петр Николаевич Врангель
Белый Крым. Мемуары Правителя
и Главнокомандующего
Вооруженными силами Юга России
Серия «Великие полководцы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9362928

Белый Крым. Мемуары Правителя и Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России:
ЭКСМО; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76501-0

Аннотация

«Выдающейся храбрости. Разбирается в обстановке прекрасно и быстро, очень находчив в тяжелой обстановке», – такую характеристику во время войны от скупого на похвалы командующего получают не просто так. Тогда еще полковник барон Петр Николаевич Врангель (1878—1928) заслужил ее вполне.

Военные годы Первой мировой и Гражданской войны сильно изменили Петра Николаевича: лихой конногвардеец превратился в отважного кавалериста, светский любимец – в обожаемого солдатами героя, высокомерный дворянин – в государственного деятеля и глубоко верующего человека, любитель французского шампанского – в сурового «черного барона».

Приняв Добровольческую армию в обстановке, когда Белое дело было уже обречено, генерал барон Врангель тем не менее сделал почти невозможное для спасения ситуации. Но когда, оставленный союзниками без поддержки, он вынужден был принять решение об уходе из Крыма, то спланировал и эту горестную операцию блистательно – не зря она вошла в анналы военного искусства. Остатки Русской армии и гражданское население, все те, кто не хотел оставаться под властью большевиков, – а это 145 тысяч человек и 129 судов – были четко и организованно эвакуированы в Константинополь. Перед тем как самому покинуть Россию, Врангель лично обошел все русские порты на миноносце, чтобы убедиться, что корабли с беженцами готовы выйти в открытое море.

«Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний... Прощай, Родина!» – так заканчиваются воспоминания генерала барона Врангеля, названного современниками «последним рыцарем Российской империи», патриота, воина, героя, рассказывающего сегодняшним читателям о страшных, противоречивых и таких поучительных событиях нашей истории. Воспоминания генерала Врангеля о героических и трагических годах Гражданской войны дополнены документальными материалами тех лет, воспоминаниями соратников и противников полководца

Электронная публикация мемуаров П. Н. Врангеля включает полный текст бумажной книги и избранную часть иллюстративного документального материала. А для истинных ценителей подарочных изданий мы предлагаем классическую книгу. Как и все издания серии «Великие полководцы» книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями; текст сопровождают сотни фотографий, иллюстраций из российских и зарубежных периодических изданий описываемого времени, с многими из которых современный читатель познакомится впервые. Прекрасная печать, оригинальное оформление, лучшая офсетная бумага – все это делает книги подарочной серии «Великие полководцы» лучшим подарком мужчине на все случаи жизни.

Содержание

Петр Врангель и его «Записки»	6
Петр Николаевич Врангель. ЗАПИСКИ (ноябрь 1916 года – ноябрь 1920 года)	22
Глава I. Смена власти	22
Глава II. Первые дни	52
Глава III. Приказ о земле и волостном земстве	79
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Петр Николаевич Врангель
(1878—1928)

П. Н. ВРАНГЕЛЬ

Белый Крым

Мемуары Правителя
и Главнокомандующего
Вооруженными силами
Юга России

Петр Врангель и его «Записки»

Хлопнув
дверью,
сухой, как рапорт,
из штаба
опустевшего
вышел он.
Глядя
на ноги,
шагом
резким
шел
Врангель
в черной черкеске.
...И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба
колена
упал главнокомандующий.
Трижды
землю
поцеловавши,
трижды
город
перекрестил.
Под пули
в лодку прыгнул...
– Ваше
превосходительство,
грести?
– Грести!

Автор этих строк Владимир Маяковский не читал «Записок» барона генерала Петра Николаевича Врангеля. Но образ поэт нарисовал удивительно похожий на тот, который пытался создать сам белый генерал: патриота России, решительного и по-военному лаконичного.

Личная трагедия покидающего Родину Врангеля перекликается и в литературе, и в самой отечественной истории с трагедией всех тех людей, которые вынуждены были отправиться на чужбину. До сих пор слова «разгром войск Врангеля в Крыму» для многих означают конец Гражданской войны. Но теперь командующий Русской армией уже не просто «черный барон», который «снова готовит царский трон».

Личность Петра Врангеля оценивается куда более неоднозначно, как и все Белое движение. Взглянуть на биографию генерала под новым углом историкам и широкому кругу читателей помогают мемуары, которые Врангель написал в эмиграции.

* * *

Петр Николаевич Врангель родился 15 августа 1878 года в городе Новоалександровске Ковенской губернии¹. Семья Врангелей вела свой род от шведских баронов, который поступили на русскую службу в XVIII веке. Петр Николаевич унаследовал баронский титул и страсть к военному делу.

Впрочем, его отец, Николай Егорович, отдавал предпочтение предпринимательству. Кроме того, доход семьи обеспечивало имение в Минской губернии. В 1880 – 1890-е годы Врангели жили в Ростове, где Петр окончил реальное училище. Затем он учился в Горном институте в Санкт-Петербурге.

Обязательную военную службу Петр Врангель проходил в лейб-гвардии Конном полку – одном из элитных подразделений. Затем последовали два года в Иркутске, где Врангель служил чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе. С началом Русско-японской войны Врангель возвращается в армию – теперь уже навсегда.

В годы войны Врангель служил в двух казачьих полках. Молодого кавалериста отличало честолюбие и готовность лично участвовать в опасных военных операциях. Первое качество толкало его на получение новых и новых чинов. Второе принесло офицеру ордена Св. Анны и Св. Станислава.

В августе 1906 года Врангеля прикомандировали к давно знакомому лейб-гвардии Конному полку. В следующем году на одном из парадов его заметил император Николай II – в будущем Петр Николаевич еще не раз встретится с государем. Убежденный монархист, Врангель положительно отзывался о личных качествах последнего монарха России, хотя и был крайне недоволен окружением царя.

Нам кое-что известно о жизни Петра Николаевича до Первой мировой войны. Однополчане отмечали решительность и вспыльчивость Врангеля, от сослуживцев он получил прозвище Пайпер за пристрастие к одноименному шампанскому. Известно также, что статный конногвардеец пользовался успехом у светских дам. В 1910 году он успешно окончил Николаевскую академию Генштаба.

В 1907 году Петр Николаевич женился на Ольге Михайловне Иваненко – дочери камергера и фрейлины императрицы. К 1914 году у супругов было уже трое детей – дочери Елена и Наталья и сын Петр. Еще один сын, Алексей, родится уже в эмиграции – в 1922 году. Судя по «Запискам» Врангеля и его письмам к жене, отношения у них были самые теплые. Ольга Михайловна фактически спасла мужа от большевистского расстрела, выхаживала во время эпидемии сыпного тифа, помогала устраиваться за границей.

Первую мировую войну Врангель встретил командиром эскадрона и уже 6 августа 1914 года в бою под Каушеном (Восточная Пруссия) успешно атаковал немецкую батарею. За это он получил орден Св. Георгия IV степени, став, таким образом, едва ли не первым офицером – Георгиевским кавалером Первой мировой.

В апреле 1915 года к ордену добавилось Георгиевское оружие за смелые и эффективные действия во время Праснышской операции в Польше. В октябре 1916 года Врангель был назначен командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. Именно с осени 1916 года начинается повествование в «Записках». Соответственно, большинство биографических сведений о Петре Николаевиче в период с 1916 по 1920 год историки черпают из этой книги.

Петр Врангель участвовал в боевых действиях на Юго-Западном и Румынском фронтах. Наибольшее удовольствие ему доставляло командование большими массами конницы

¹ Сейчас города Ковно и Новоалександровск – это литовские Каунас и Зарасай.

– здесь Врангель чувствовал себя как рыба в воде. В январе 1917 года он стал генерал-майором.

**Главнокомандующий Русской армией
генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель**

Вскоре Россия была охвачена революционными событиями. И Февральскую, и Октябрьскую революции Врангель встретил неприязненно. В «Записках» много говорится о развале армии и фронта, о недопустимом вмешательстве в дела армии солдатских комитетов, о вредном заигрывании с народом.

Генерал осуждал своих сослуживцев, которые «шли на поводу» у либералов и демократов. Популярные красные банты для него были красной тряпкой. Врангель был готов поддержать Корниловский переворот, а под конец существования Временного правительства настойчиво просил о своей отставке.

На фоне революции раскрывается отношение генерала к простым солдатам и казакам, которое вполне укладывалось в рамки его консервативных принципов. С одной стороны, он явно считал, что солдатский и казацкий элемент недостаточно надежен – легко поддается пропаганде, требует сильной руки.

С другой – придавал огромное значение чувству единения солдат и командира; несколько раз в «Записках» Врангель описывает ситуацию, когда ему удавалось «овладеть войсками», то есть добиться искренней любви и послушания солдат. Летом 1917 года Петр Николаевич был награжден солдатским Георгиевским крестом – эта награда вручалась офицерам по постановлению собрания самих солдат.

После большевистского переворота Врангель с семьей уехал в Крым. Здесь в феврале 1918 года он был арестован революционными матросами, но избежал расстрела благодаря заступничеству местных жителей и жены.

Интересен эпизод встречи и разговоров Петра Николаевича с гетманом Скоропадским в мае 1918 года в Киеве. Врангель в целом положительно отзывался о добросовестном и исполнительном генерале Скоропадском. Однако политические интересы гетмана оказались чужды принципам самого Врангеля.

Последний был готов принять немецкую ориентацию, но категорически не разделял идеи Скоропадского об образовании «самостийной» Украины. Врангель готов был поступить в штаб гетмана, только если тот «мыслит Украину первым слогом России».

Единомышленников Врангель нашел в руководстве Добровольческой армии, которая в то время разворачивала деятельность на Дону и Кубани. Туда и прибыл генерал в августе 1918 года. В Екатеринодаре (современный Краснодар) Врангель познакомился с Антоном Ивановичем Деникиным и был назначен командиром 1-й конной дивизии.

Отношения Врангеля с Деникиным – тема многочисленных исследований по истории Белого движения. Чтобы понять причину разногласий, которые в результате вылились в открытое противостояние, необходимо, конечно, ознакомиться не только с мемуарами Врангеля, но и с «Очерками русской смуты» Деникина, другими свидетельствами и документами.

Со слов Петра Николаевича выходит следующая картина. В военном отношении конфликт разгорелся из-за выбора стратегического направления удара. После успешных действий частей Врангеля по освобождению Северного Кавказа он был назначен командующим Добровольческой армией, в январе 1919-го – командующим Кавказской Добровольческой армией². Позже она была переименована в Кавказскую армию и действовала на Царицынском направлении.

Деникин пообещал Врангелю не отказывать ни в пехоте, ни в артиллерии, взяв обещание освободить Царицын за три недели. Однако вскоре Кавказская армия ощутила явный недостаток в подкреплении, обмундировании, вооружении. Телеграммы-требования Врангеля долго не давали результата и постепенно приобрели довольно резкий тон. Подкрепление в итоге пришло, и армия автора «Записок» героически взяла Царицын.

На этот момент расхождения между Врангелем и командующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) были уже очевидными. Деникин полагал главным направлением Харьковское с последующим движением на Москву. Врангель же настаивал на перво-

² За успешное руководство войсками при освобождении Кубани и Северного Кавказа Врангель был произведен Деникиным в генерал-лейтенанты.

очередном значении боев на Волге с последующим соединением с силами адмирала Колчака.

Адмирал Александр Васильевич Колчак
(1874—1920)

После подписания летом 1919 года знаменитой «Московской директивы» Деникина ситуация усугубилась. Врангель получил задачу наступать на Москву через Саратов и Нижний Новгород. Но основные силы и средства белых уходили в Украину, откуда развивала наступление Добровольческая армия Май-Маевского.

Петр Николаевич, во-первых, полагал, что армия не должна наступать на Москву тремя разными группами, а во-вторых – опять сетовал на отсутствие подкрепления. Ответ Деникина разочаровал командующего Кавказской армией: ему сообщалось, что его участок незначителен по сравнению с другими армиями.³

Однако конфликт двух лидеров Белого движения имел и другое, человеческое, измерение. Сам Петр Врангель полагал, что Главнокомандующему не хватает масштаба, политического чутья, «порыва». В своих мемуарах он упрекает Деникина в провинциальном происхождении, мелкобуржуазном и либеральном менталитете, предубежденности против аристократии, двора и гвардии.

Антон Иванович предстает в «Записках» мнительным, оторванным от действительности человеком, которому всюду мерещатся заговоры. К тому же именно Деникин, согласно «Запискам», допустил белый террор, грабежи и насилие, не уделял должного внимания земельному вопросу, своими неразумными действиями оттолкнул казачество.

Все это дискредитировало идею и название Добровольческого движения. Сам же Врангель, судя по всему, стал лидером всех правых в Белом движении. К нему тянулись монархисты и консерваторы. Можно поверить в то, что Деникину он казался чересчур и даже опасно честолюбивым человеком, который хотел сам возглавить движение, командовать основными войсками, получать все в первую очередь.

Между прочим, нелюбимую характеристику получает от автора мемуаров не только Деникин. Откровенно плохо Врангель отзывается о Шкуро – как организаторе грабежей, попоек и разврата, партизане, а не серьезном военном командире.

Досталось от Петра Николаевича допустившему мародерство генералу Мамонтову, тщеславному генералу Слащеву и многим другим. Тем не менее в «Записках» хватает и хвалебных отзывов о подчиненных Врангеля – командующем кубанскими конными частями Улагае, верном соратнике и друге Шатилове.

Грабежи неизменно вызывали гнев Петра Врангеля. Во всех контролируемых им регионах он жестоко расправлялся с мародерами, нарушителями дисциплины; жертв военных полевых судов вешали в центре городов. С другой стороны, Врангель вообще имел явные задатки диктатора.

Демократические учреждения, «самостийники», совещания и комитеты, «тыловые бюрократы», разросшийся пропагандистский отдел ОСВАГ – все это воспринималось им с неким пренебрежением, а порой с отвращением. Разумеется, борьба с «вредным либерализмом» обосновывалась генералом как необходимая и вынужденная в условиях войны мера.

В декабре 1919 года Деникин вынужден был поставить Врангеля командующим отходящей на юг Добровольческой армией. Петру Николаевичу удалось восстановить порядок в частях, но конфликт с Деникиным разгорелся с новой силой. Врангель считал, что армию нужно отводить в Крым, его оппонент требовал отхода на Дон.

В этих условиях Врангель попытался организовать совещание командующих армиями в Ростове, но получил жесткий отказ Деникина, который, кажется, справедливо усмотрел в этом попытку произвести переворот в руководстве Вооруженными силами Юга России.

Врангель писал командующему рапорты, которые становились известны другим офицерам из окружения Деникина. Собственно, эти рапорты стали поводом для историков обвинять Петра Николаевича в сознательном расколе Белого движения.

2 января 1920 года Деникин все же снял Врангеля с должности командующего Добровольческой армией. Петр Николаевич был направлен на решение явно второстепенных задач. Ряд генералов требовали от Деникина назначить его соперника командующим войсками в Крыму, но тот упорно отказывался повысить Врангеля.

³ См. приложение 1.

В конце концов Деникин предписал Врангелю покинуть территорию Вооруженных сил Юга России. Оскорбленный Петр Николаевич написал перед отъездом в Константинополь злое и подробное письмо об истории отношений с Деникиным, которое стало достоянием широкой общественности.

Командующий Добровольческой армией
генерал Антон Иванович Деникин
(1872 —1947)

* * *

В данном издании мы помещаем именно вторую книгу «Записок», которая охватывает период с марта по ноябрь 1920 года – то есть время, когда Петр Врангель возглавил Белое движение и организовал сопротивление большевикам, опираясь на Крымский полуостров. «Последняя пядь Русской земли», – так автор «Записок» постоянно называет Крым.

В интервью одной из «белых» газет он достаточно ясно разъясняет свое видение ситуации, цели и задачи борьбы, политические взгляды. Во-первых, это убежденность в том, что белые в Крыму – горстка храбрецов, которые ведут отчаянную борьбу за свободу России и за Россию как таковую. Красные же несут с собой произвол, деспотию и являются «настоящими реакционерами».

С ними не должны иметь дела ни истинные патриоты, ни цивилизованные страны, если они хотят сохранить демократию и порядок во всем мире. Во-вторых, Врангель отчетливо понимает, что без аграрной реформы, предоставления земли крестьянам никакая победа невозможна; фактически он признает свершившуюся на селе революцию и призывает сделать это всех соратников.

Мы видим и новую национальную доктрину белого командования – это признание необходимости федеративного переустройства России.

Итак, в марте 1920 года Деникин отказался от поста командующего ВСЮР. И тогда же под давлением Антанты он назначил своим преемником Врангеля, который снова прибыл в Крым. В одном из первых же своих приказов новый командующий присвоил себе всю полноту власти, став правителем Юга России.

Обстановка складывалась, казалось, безнадежная. Противник был готов ворваться на полуостров, части были расстроены и растеряны, борьба на Кубани и Дону была проиграна. Маленькая территория не могла дать всего необходимого – не хватало продовольствия, денег, лошадей, техники.

На содержании у армии было «150 тысяч ртов», из которых боевой элемент составлял лишь малую часть. Англия настаивала на сложении оружия и перемирии с большевиками. В общем, автор мемуаров рисует картину всеобщего развала во всех областях деятельности. Возможно, чтобы тем ярче был контраст с ситуацией через три месяца после своего назначения.

В правительство Юга России Врангель назначил бывшего помощника Столыпина А. Кривошеина и других представителей консервативных кругов, которые разделяли тем не менее социальные идеи командующего.

Врангель описывал красных не как проводников определенной политики, а исключительно как «все мутное, что всплыло в условиях анархии»; жители городов и сел якобы везде и всюду встречали белых как желанных избавителей от красных комиссаров и ужасов чекистского террора; красноармейцы охотно переходили на сторону белых...

То есть Петр Николаевич видел в революции в первую очередь результат ослабления государственной системы, деятельности немецких шпионов, вседозволенности. Теперь же он сам хотел «делать левую политику правыми руками». Объявленная им аграрная реформа предусматривала передачу земли в руки мелких землевладельцев за определенный выкуп, образование волостных земельных учреждений, в которых важнейшую роль играли сами крестьяне.

На протяжении многих страниц «Записок» автор детальнейшим образом раскрывает перед нами суть своей земельной программы, которая нашла краткое отражение в его «Приказе о земле». Документ о земле, о земских учреждениях составляют пространное приложение к «Запискам».

По всей видимости, Врангель очень хочет донести до широкой общественности идею: мы сделали для крестьянства все, что могли. Пожалуй, ему даже досадно, что его выступление в роли реформатора оказалось в тени его итоговой военной неудачи.

Согласно новой декларации правителя, Россия должна была превратиться в широкую федерацию свободных народов. Петр Николаевич искал поддержку даже у Нестора Махно и петлюровского руководства Украинской народной республики. «Хоть с чертом, лишь бы против большевиков!»

Автор описывает множество распоряжений кадрового, экономического, административного, политического характера. Это и мобилизация всех имеющихся продовольственных ресурсов, и реорганизация деятельности правоохранительных органов, и решение вопросов с рабочими (якобы оставшимися полностью удовлетворенными мероприятиями командующего).

Он постоянно говорит о нехватке средств – и вряд ли стоит сомневаться, что положение было действительно исключительно сложным, – но пишет, что жизнь, в общем, налаживалась, что служащие «подтянулись», а жители городов воспрянули духом.

В то же время, как обычно, Врангель занимался укреплением порядка: быстрому и суровому наказанию подвергались нарушители дисциплины – в первую очередь военной. Были отстранены видные военачальники – командиры казачьих подразделений Сидорин и Кельчевский.

Кубанцы и донцы вынуждены были признать полноту власти Врангеля над казачьими войсками, хотя им и была обещана широкая внутренняя автономия. Деятельность оппозиции левого толка правитель воспринимал с раздражением, фактически считал предательством. «Огульную критику» своего правительства в печати запрещал.

Главным внешнеполитическим партнером Русской армии (так с апреля 1920 года называлось войско Врангеля) стала Франция. Она морально и материально поощряла наступление белых ради поддержки польской армии, которая ввязалась в войну с Советами весной 1920 года. И Врангель совершил свой последний успешный поход.

В июне 1920 года его армия вышла из Крыма и повела наступление в Северной Таврии. По своему обыкновению, автор предоставляет в наше распоряжение фактически оперативную сводку с указанием мельчайших деталей операций, в результате которых под контролем белых оказалась обширная территория.

Развивая успех и, вероятно, не вполне отдавая себе отчет в реальных настроениях местного казачества, Врангель отправляет десант освобождать Кубань. Победы на фронте и упорядочение в тылу позволили Франции признать правительство Юга России де-факто, что было огромным дипломатическим успехом.

Своеобразным художественным отступлением «Записок», которым Врангель старается подчеркнуть весь позитив своей работы в качестве правителя, является его вечерний разговор с другом Шатиловым. Последний вспоминает, как пытался отговорить Петра Николаевича от выезда в Крым и как все изменилось за три месяца.

Однако с окончанием войны большевиков против поляков все вернулось на свои места. Попытка объединить фронт с польскими и украинскими (петлюровскими) войсками провалилась. Русская армия была заперта в Крыму. В ноябре 1920 года красные войска Южного фронта под командованием М. Фрунзе при поддержке махновских частей ворвались на полуостров.

Петр Николаевич подробно описывает свои распоряжения по организации эвакуации армии и гражданского населения из Крыма. Надо сказать, что безусловные заслуги Врангеля в спасении людей признают и свидетели событий, и современные историки. Казалось, что узнаваемая высокая фигура в черной черкеске сама по себе успокаивала людей, возвращала им самообладание.

Более чем на ста судах в Турцию было вывезено 75 тысяч военных и 60 тысяч гражданских беженцев. Это было в самом деле спасением; число жертв красного террора, который был развязан в Крыму в конце 1920 года, до сих пор корректируется, и чаще всего – в большую сторону.

«Записки» заканчиваются словами «Прощай, Родина!». Но на этом не была завершена жизненная миссия автора. В эмиграции Врангель продолжал чувствовать ответственность за своих людей. Он добивался размещения и снабжения армии. Через некоторое время часть беженцев была переведена им из Турции на территорию Королевства сербов, хорватов и словенцев и в Болгарию.

Сам он переехал в Сремские Карловцы (на территории совр. Сербии). Заниматься делами эмигрантов становилось все сложнее. Запад начал осознавать, что дело белых проиграно, сами люди теряли веру и разбредались. Созданный Врангелем Русский совет был распущен.

Ему на смену пришел Русский Общевоинский Союз (РОВС), через который Петр Николаевич старался обеспечить материальное снабжение офицеров. В 1925 году семья Врангеля перебралась в Брюссель. Последние годы бывший командующий Русской армией посвятил работе над публикацией своих мемуаров.

В марте 1928 года врачи диагностировали у Врангеля туберкулез, через месяц Петра Николаевича не стало. Его прах на следующий год перевезли из Брюсселя в Белград, где захоронили в русской церкви.

Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель.
Агитационный плакат Белого движения. 1919 г.

Свои «Записки» Врангель начал, когда жил на яхте «Лукулл» у Константинополя, а окончил в Сремских Карловцах. Первая глава книги была завершена 28 июля 1921 года, последняя написана 30 декабря 1923 года. «Записки» состоят из двух книг: первая посвящена событиям с ноября 1916 по март 1920 года, вторая – с марта по ноябрь 1920 года.

Петр Николаевич диктовал текст своему секретарю Н. Котляревскому, а затем лично проверял и корректировал записи.

«Записки» Врангеля написаны достаточно сухим повествовательным языком, однако время от времени автор пытается нарисовать более живописную картину – страдания раненых и голодных солдат и простых жителей, собственные переживания, внешний и нравственный облик людей, с которыми встречается автор.

В «Записках» приводится полный текст многих документов: реляций, телеграмм, приказов. Врангель обладал прекрасной профессиональной памятью. За многочисленными данными о количестве войск, номерами подразделений, названиями населенных пунктов, датами виден образ педантичного и работоспособного человека.

Впрочем, автор полагался не только на память, в его распоряжении был архив Русской армии. Архив, возможно, был своевременно перевезен с яхты «Лукулл» на берег до затопления корабля⁴.

Обилие приведенных в мемуарах документов позволяет относиться к «Запискам» как к солидному и заслуживающему доверия историческому источнику. Тем более, что к чести автора, он приводит в своих воспоминаниях и довольно обширные цитаты из своих оппонентов.

Само собой, читатель и исследователь должен понимать, что Врангель строит рассказ таким образом, чтобы подчеркнуть свою проницательность и правоту в разных обстоятельствах. Мемуары могут дать представление и о не лучших чертах характера и поступках генерала: зашкаливающее честолюбие, фрондерство и интриганство, высокомерие.

Однако чтобы портрет Петра Врангеля вышел более объективным, нужно, конечно, привлечь и другие источники – например, воспоминания современников. Историки отмечают, что реальная борьба Петра Николаевича против Деникина в январе – феврале 1920 года, его конфликт со Слащевым в Крыму выглядят далеко не так выгодно для Врангеля, как они поданы в его «Записках».

⁴ В октябре 1921 года яхту протаранил итальянский пароход «Адрия». К счастью, ни самого Врангеля, ни его семьи на борту в тот момент не было. Существуют серьезные подозрения, что авария была спланирована советскими спецслужбами. Есть данные, что архив погиб вместе с яхтой.

Врангель еще жив.
Агитационный большевистский плакат. 1919 г.

То же касается мотивов командующего при организации судебной расправы над командирами казачьих частей. Из «Записок» выходит, что это было необходимо для удаления провокаторов. Но у исследователей Белого движения есть и другая версия: Врангелем двигала давняя подозрительность и пренебрежение по отношению к казакам.

Просматривается желание автора приукрасить действительность – уж очень патетически описывает он радость простого народа, встречающего белых и лично их командующего,

благожелательность крестьян. Гражданскую войну выигрывает та сила, которая сумела перетянуть на свою сторону население.

Петр Николаевич утверждает, что большевики работали в этом направлении с помощью пропаганды и ЧК. Это правда. Как и то, что белые зачастую действовали точно так же. Впрочем, по мнению автора воспоминаний, ответственность за это лежит на его предшественниках.

Особое внимание при подготовке «Записок» к публикации автор уделял тому, чтобы они не выглядели оправданием перед Деникиным. Именно после выхода в свет пятого тома деникинских «Очерков русской смуты» Петр Николаевич начал лихорадочную работу по подготовке собственной книги.

Поэтому Врангель тщательно датировал каждую главу (подчеркивая таким образом – мемуары написаны раньше, чем изданы воспоминания Деникина). Он внес множество правок, вычеркнув ряд резких высказываний о бывшем начальнике.

Публикацию взял на себя бывший белый офицер Алексей фон Лампе. Издать мемуары оказалось делом непростым. Категорически не хватало средств. В своих дневниках фон Лампе негодует по поводу состоятельной части русской эмиграции, которая на словах горячо приветствовала издание «Записок», а на деле не дала ни копейки.

Однако для фон Лампе завершить начатое было делом чести, своеобразным заветом Врангеля, который вносил последние правки, находясь уже в шаге от смерти. В конце концов лично издатель не заработал ничего – все деньги ушли на типографские нужды.

«Записки» Врангеля были изданы в июле – сентябре 1928 года в пятой и шестой книгах серии «Белое дело» в Берлине. После издания мемуаров два оригинальных машинописных текста, согласно завещанию Врангеля, были сожжены. Он очень не хотел, чтобы кто-нибудь смог впоследствии расшифровать зачеркнутый текст, – а выкинуто из оригинала им самим было около одной восьмой от всего объема.

Несмотря на все старания Петра Николаевича, общественность все равно восприняла его «Записки» именно как полемику с Деникиным. Сам Антон Иванович тут же опубликовал пространную статью «Мой ответ», в которой дискутировал с уже почившим соперником. Заочный спор лидеров Белого движения продолжается до сих пор.

Петр Николаевич Врангель писал: «История когда-нибудь оценит самоотречение и труды горсти русских людей в Крыму, которые в полном одиночестве на последнем клочке Русской земли боролись за устои счастья человеческого, за отдаленные очаги европейской культуры».

Прошло чуть меньше века, но окончательной оценки этой борьбы нет, да и быть не может, когда речь идет о гражданской войне. В ней у каждого своя правда.

Правда Врангеля перед вами.

В. Карнацевич

Памятник
П. Н. Врангелю
в Сремских Карловцах (Сербия)

П. Н. ВРАНГЕЛЬ

Записки

Петр Николаевич Врангель. ЗАПИСКИ (ноябрь 1916 года – ноябрь 1920 года)

Глава I. Смена власти

Утром 22 марта⁵ «Emperor of India» бросил якорь на Севастопольском рейде. Стоял чудный весенний день. В неподвижном море отражалось голубое небо, и, залитый лучами солнца, белел и сверкал, раскинувшийся по высоким берегам бухты, Севастополь. На набережных виднелись снующие по всем направлениям люди, бухту бороздили многочисленные ялики и челны...

Жизнь, казалось, шла своей обычной чередой, и дикой представлялась мысль, что этот прекрасный город переживает последние дни, что, может быть, через несколько дней его zalьет кровавая волна и здесь будет справляться красная тризна.

К нам подошел катер под Андреевским флагом, и по трапу на палубу поднялся морской офицер. Он доложил, что прислан ко мне командующим флотом и что для меня отведено помещение на крейсере «Генерал Корнилов». Я приказал перевезти вещи на крейсер, а сам решил съехать на берег и прежде всего повидать председателя Военного совета генерала Абрама Михайловича Драгомирова.

По словам встретившего меня офицера, заседание Совета должно было состояться в 12 часов дня в Большом дворце, занятом командующим флотом, где и находился генерал Драгомиров.

⁵ 1920 г.

Севастополь, Графская пристань.
Фотография. Начало XX в.

Первое знакомое лицо, встреченное мною при сходе на берег, был генерал Улагай. Я не видел его с декабря прошлого года, в то время он лежал в Екатеринодаре, тяжело больной тифом. После своего выздоровления он в последние дни борьбы на Кубани командовал Кавказской армией, сменив генерала Шкуро, удаления которого потребовала от генерала Деникина Кубанская рада.

Расчет Ставки, усиленно выдвигавшей генерала Шкуро в надежде использовать его популярность среди казаков, оказался ошибочным. Кавказская армия – кубанцы, терцы и часть донцов, – не успев погрузиться, отходила вдоль Черноморского побережья по дороге на Сочи и Туапсе.

За ними тянулось огромное число беженцев. По словам генерала Улагая, общее число кубанцев, в том числе и беженцев, доходило до сорока тысяч, донцов – до двадцати. Части были совершенно деморализованы, и о серьезном сопротивлении думать не приходилось.

Отношение к добровольцам среди не только казаков, но и офицеров было резко враждебно: генерала Деникина и добровольческие полки упрекали в том, что, «захватив корабли, они бежали в Крым, бросив на произвол судьбы казаков». Казаки отходили по гористой, бедной местными средствами территории; их преследовали слабые части конницы «товарища» Буденного, во много раз малочисленнее наших частей, но окрыленные победой.

Большинство кубанских и донских обозов были брошены, запасов продовольствия на местах не было, и люди, и лошади голодали. Ввиду ранней весны подножный корм отсутствовал, лошади ели прошлогодние листья и глодали древесную кору. Казаки отбирали последнее у населения, питались прошлогодней кукурузой и кониной.

Генерал Улагай оставил свою армию в районе Сочи. Заместителем своим он назначил генерала Шкуро, во главе донских частей оставался генерал Стариков. Последние дни в Сочи среди членов Кубанской рады разногласия особенно усилились.

Все громче раздавались голоса о необходимости вступить в переговоры с большевиками, другие предлагали просить о защите Грузию. Кубанский атаман генерал Букретов и председатель правительства инженер Иванис за несколько дней до отъезда генерала Улагая выехали в Крым.

На мой вопрос: «Неужели при таком превосходстве наших сил нет возможности рассчитывать хотя бы на частичный успех – вновь овладеть Новороссийском и тем обеспечить снабжение, а там, отдохнув и оправившись, постараться вырвать инициативу у противника?» – генерал Улагай безнадежно махнул рукой:

– Какой там, казаки драться не будут. Полки совсем потеряли дух.

Мне стало ясным, что дело действительно безнадежно. Дух был потерян не только казаками, но и начальниками. На продолжение борьбы казаками рассчитывать было нельзя.

В Крым переброшено было, включая тыл, около двадцати пяти тысяч добровольцев и до десяти тысяч донцов. Последние прибыли без лошадей и без оружия. Даже большая часть винтовок была при посадке брошена. Казачьи полки были совершенно деморализованы.

Настроение их было таково, что генерал Деникин, по соглашению с Донским атаманом генералом Богаевским и командующим Донской армией генералом Сидориным, отказался от первоначального намерения поручить донским частям оборону Керченского пролива и побережья Азовского моря и решил немедленно грузить их на пароходы и перебросить в район Евпатории, отобрав от полков последнее оружие.

Добровольческие полки прибыли также в полном расстройстве. Конница без лошадей, все части без обозов, артиллерии и пулеметов. Люди были оборваны и озлоблены, в значительной степени вышли из повиновения начальников. При этих условиях и Добровольческий корпус боевой силы в настоящее время не представлял.

Фронт удерживался частями генерала Слащева, сведенными в Крымский корпус. Корпус состоял из бесчисленного количества обрывков войсковых частей, зачастую еще в зародыше, отдельных штабов и нестроевых команд. Всего до пятидесяти отдельных пехотных и кавалерийских частей.

При этом боевой состав корпуса не превышал 3500 штыков и 2000 шашек. Общая численность противника на фронте генерала Слащева – 13-й советской армии была до 6000 штыков и 3000 шашек. При этих условиях сил у генерала Слащева для обороны перешейков было достаточно, однако сборный состав его частей и их слабая подготовка и отмеченное нашей разведкой, постоянное усиление противника заставляли считать наше положение далеко не устойчивым.

Я застал генерала Драгомирова в Большом дворце. Через час должно было открыться заседание Военного совета, и он спешил ознакомить меня в общих чертах с последними событиями.

Собранное накануне совещание оказалось чрезвычайно многочисленным. Несмотря на все усилия генерала Драгомирова, определенного решения добиться не удалось. Значительное число участников совещания решительно отказалось обсуждать вопрос о назначении преемника Главнокомандующего, считая недопустимым введение в армии принципа выборного начала и полагая, что преемник генерала Деникина должен быть назначен приказом последнего.

Генерал Слащев, под предлогом необходимости его присутствия на фронте, от дальнейшего участия уклонился и выехал из Севастополя; с ним уехали и представители Крымского корпуса. После совещания генерал Драгомиров донес по аппарату в Феодосию, где оставался генерал Деникин, о результатах первого совещания и высказанном последним пожелании.

Однако генерал Деникин решительно отказался от назначения себе преемника, подтвердив свое требование о выборе нового Главнокомандующего Военным советом.

Со своей стороны, я считал совершенно недопустимым выбор нового Главнокомандующего его будущими подчиненными и единственно правильным назначение такового самим генералом Деникиным. Я ознакомил генерала Драгомирова с привезенным мною ультиматумом англичан.

– По тем отрывочным сведениям, которые я имел в Константинополе и которые получил только что от генерала Улагая, и при условии лишения нас всякой помощи со стороны союзников я не вижу возможности продолжать борьбу, – сказал я. – Я прибыл сюда потому, что не считал возможным не разделить с армией ее, быть может, последние часы, и, если судьба пошлет мне испытание встать во главе армии, я его приму.

Однако я считаю, что при настоящих условиях генерал Деникин не имеет нравственного права оставить то дело, во главе которого он до сих пор стоял. Он должен довести это дело до конца и принять на себя ответственность за все, что произойдет.

– Решение Главнокомандующего уйти – окончательно. Я убежден, что он его не изменит, – ответил генерал Драгомиров.

(20 марта генерал Деникин писал генералу Драгомирову:

«Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России. № 145. 20 марта 1920 г. Феодосия.

Многоуважаемый Абрам Михайлович,

три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование.

Уважающий Вас, А. Деникин

Его высокопревосходительству А. М. Драгомирову, председателю Военного совета».)

Соседний зал, где должно было проходить совещание, постепенно наполнялся народом. Оттуда доносился шум, говор, топот многочисленных ног. Вошедший с какими-то бумагами адъютант приотворил дверь, и я увидел значительную толпу в несколько десятков человек.

– Это не военный совет, ваше высокопревосходительство, а какой-то совдеп, – сказал я. – Я полагаю совершенно невозможным скрыть от военного совещания новые обстоятельства, в корне меняющие обстановку. – Я указал на ноту англичан. – Новый Главнокомандующий, кто бы он ни был, должен с полной определенностью знать, что при этих условиях будут от него требовать его соратники, а последние – что может им обещать новый вождь.

Все это невозможно обсуждать в таком многолюдном собрании, в значительной мере состоящем из мальчиков. Ведь некоторые из нынешних командиров полков в нормальное время были бы только поручиками. Я полагаю, что из состава Совета должны быть удалены все лица, младше командиров корпусов или равных им по власти.

Генерал Драгомиров со мной охотно согласился. Мы тут же по списку наметили состав этих лиц: председатель – генерал от кавалерии Драгомиров, командующий флотом вице-адмирал Герасимов, Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский, командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин, начальник его штаба генерал-лейтенант Кельчевский, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, комендант Севастопольской крепости генерал-лейтенант Турбин; генерал-лейтенанты: Шатилов, Боровский, Покровский, Юзефович, Шиллинг, Кутепов, Улагай, Ефимов, Стогов, Топорков, начальник штаба Главнокомандующего генерал-майор Махров, начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Евдокимов и я.

**Генерал Абрам Михайлович Драгомиров
(1868—1955)**

Генерал Драгомиров, отпустив прочих участников совещания, просил старших начальников перейти к нему в кабинет. Известие об ультиматуме англичан всех поразило. Значение его в полной мере учитывалось всеми, все были сумрачны и молчаливы.

Генерал Драгомиров сообщил присутствующим, что генерал Деникин по-прежнему настаивает на выборе себе преемника. Однако все члены Совета продолжали считать такой порядок разрешения вопроса недопустимым.

Председательствующий предложил следующий выход из положения: старшие начальники в частном совещании выскажут свои предположения и назовут лицо, которое, по их

мнению, может в настоящую минуту наиболее успешно выполнить возложенную на него задачу; генерал Драгомиров об этом сообщит генералу Деникину, доложив, что мнение участников совещания не связывает Главнокомандующего в его решении, и еще раз предложит генералу Деникину приказом назначить себе преемника.

Я просил слова и вновь повторил сказанное уже генералу Драгомирову:

– В настоящих условиях я не вижу возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы. Ультиматум англичан отнимает последние надежды. Нам предстоит испить горькую чашу до дна. При этих условиях генерал Деникин не имеет права оставить армию.

Мои слова были встречены гробовым молчанием. Мне стало ясно, что как самим генералом Деникиным, так и всеми присутствующими, вопрос об оставлении Главнокомандующим своего поста уже предрешен.

– Если генерал Деникин все же оставит армию, – продолжал я, – и на одного из нас выпадет тяжкий крест, то, прежде чем принять этот крест, тот, кто его будет нести, должен знать, что от него ожидают те, кто ему этот крест вверили. Повторяю, я лично не представляю себе возможным для нового Главнокомандующего обещать победоносный выход из положения.

Самое большее, что можно от него требовать, – это сохранить честь вверенного армии русского знамени. Конечно, общая обстановка мне менее знакома, чем всем присутствующим, а потому я, быть может, преувеличиваю безвыходность нашего положения. Я считаю совершенно необходимым ныне же выяснить этот вопрос.

Все молчали. Наконец генерал Махров стал говорить о том, что, как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать:

– Пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия.

– Да, Петр Семенович, это так, – ответил генерал Шатилов, – если бы этот шанс был... Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде... – Генерал Махров не возражал.

Для меня не было сомнения, что выбор участников совещания остановится на мне. Жребий был брошен, я сказал все, и дальнейшее зависело не от меня. Сославшись на нездоровье, я просил генерала Драгомирова разрешения оставить совещание.

На душе было невыразимо тяжело. Хотелось быть одному, разобраться с мыслями. Я вышел из дворца и пошел бродить по городу, ища уединения. Я прошел на Исторический бульвар и долго ходил по пустынным аллеям. Тяжелое, гнетущее чувство не проходило. Мне стало казаться, что душевное равновесие не вернется, пока я не получу возможности поделиться с кем-либо всем, что мучило мою душу.

Мне вспомнилось посещение мое, в бытность в Севастополе, епископа Севастопольского Вениамина. Это было накануне оставления мною родной земли. Я также тогда переживал тяжелые часы. Теплая, полная искренней задушевности беседа с владыкой облегчила тогда мою душу. Я решил пройти к епископу Вениамину.

Последний знал уже о моем приезде и, видимо, мне обрадовался:

– Вы хорошо сделали, что приехали сюда. Господь надоумил вас. Это был ваш долг, – сказал он. – Я знаю, как тяжело вам, знаю, какой крест вы на себя берете. Но вы не имеете права от этого креста отказываться. Вы должны принести жертву родной вам армии и России.

На вас указал промысел Божий устами тех людей, которые верят вам и готовы вам вручить свою участь. Еще до вашего приезда, как только генерал Драгомиров собрал Совет, к нему обратился, указывая на вас, целый ряд русских людей, духовенство православное, католическое и магометанское, целый ряд общественных организаций. Вот у меня копии с двух таких обращений.

Владыка, порывшись в лежащих на столе бумагах, передал мне две из них.

Пока я читал, владыка вышел в соседнюю горницу, откуда вынес икону Божьей Матери, старинного письма в золотой оправе с ризой, расшитой жемчугами. Он подошел ко мне.

– Этой старинной иконой я решил благословить вас, когда вы прибудете сюда на ваш новый подвиг.

Я преклонил колено. Владыка благословил меня. Тяжелый камень свалился с сердца. На душе просветлело, и я, спокойно решившись покориться судьбе, вернулся в Большой дворец.

*М. Б. Греков. Разоружение деникинцев.
1933 г.*

Совещание давно уже закончилось. Следующее заседание было назначено на 6 часов вечера. Старшие начальники единогласно указали на меня как на преемника генерала Деникина. Генерал Драгомиров сообщил Главнокомандующему о результатах сегодняшнего совещания.

Во дворец приезжал, державший флаг на дредноуте «Emperor of India», адмирал Сеймур. Глубоко порядочный человек, тип английского джентльмена в лучшем смысле этого слова, он был положительно удручен новым политическим выступлением своего правительства. Он через несколько часов уходил в Феодосию.

Командующий флотом адмирал Герасимов предложил мне перекусить. На вопрос мой о тоннаже, запасах угля и масла, которыми мы могли бы обеспечить суда на случай необходимой эвакуации, я получил безнадежно неутешительный ответ.

Тоннаж в портах Крыма достаточен, однако ни одно судно выйти в море не может. Не только нет запасов угля и масла, но и на кораблях ни угля, ни масла нет. Даже боевые суда нет возможности освещать электричеством.

– Вы не поверите, – добавил адмирал Герасимов, – нам нечем даже развести пары на буксирах, чтобы вывести суда на рейд. Если, не дай Бог, случится несчастье на фронте, никто не выйдет.

В 6 часов заседание Совета старших начальников возобновилось под председательством генерала Драгомирова. Я передал присутствующим, что указание их на меня как на будущего преемника генерала Деникина мне известно, что оказываемое мне моими соратниками в эти грозные дни доверие меня особенно обязывает перед самим собой и перед ними это доверие оправдать, что, прежде чем дать свое согласие, я должен быть уверен, что в силах выполнить то, что от меня ожидают, что, как я уже имел случай высказать, я не вправе обещать им победы, что в настоящих условиях мы на победу рассчитывать не можем.

Я могу обещать лишь одно: не склонить знамени перед врагом и если нам суждено будет погибнуть, то сохранить честь русского знамени до конца.

– Англичане решили выйти из игры, – сказал я. – Отказ наш от их посредничества даст им возможность отойти в сторону, умыв руки. Никаких переговоров с большевиками с нашей стороны я, конечно, не допускаю. Мне представляется в настоящих условиях необходимым прежде всего не дать возможности англичанам выйти из игры.

Переложить на них одиум⁶ переговоров, всячески затягивая таковые, а тем временем закрепиться, привести армию и тыл в порядок и обеспечить флот углем и маслом на случай эвакуации... Если мои соображения разделяются, я прошу Совет особым актом указать, какие задачи ставятся новому Главнокомандующему.

Я тут же предложил проект акта. Генерал Шатилов записал его под мою диктовку: «На заседании старших начальников, выделенных из состава Военного совета, собранного по приказанию Главнокомандующего в Севастополе 22 марта 1920 года, для избрания заместителя генералу Деникину, председателем Совета генералом от кавалерии Драгомировым было оглашено ультимативное сообщение Британского правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы с тем, чтобы правительство короля Великобритании обратилось бы с предложением к Советскому правительству об амнистии населению Крыма и, в частности, войскам Юга России, причем, в случае отказа генерала Деникина на это предложение, Британское правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую-то ни было помощь.

При этих условиях совещание выразило желание просить Главнокомандующего о назначении его заместителем генерала Врангеля с тем, чтобы он, приняв на себя Главное командование, путем сношения с союзниками, добился бы неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков, и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава Вооруженных сил Юга России, который не найдет для себя возможным принять обеспечение безопасности от Советского правительства».

– Я вправе надеяться, – в заключение сказал я, – что вы не откажетесь поставить ваши подписи под этим постановлением, ежели, конечно, его текст вас удовлетворит, и тем разделить со мной ту тяжкую ответственность, которую я принимаю по вашему желанию перед русскими людьми. Я отлично отдаю себе отчет, насколько эта ответственность тяжела и потому прошу еще раз все это обдумать...

Я оставил Совет и вышел в соседнюю комнату. Прошло десять, пятнадцать, двадцать минут, обсуждение продолжалось. Изредка через дверь доносились до меня оживленные голоса; о чем-то спорили. Наконец дверь в кабинет отворилась. Вышел командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов.

– Ваше превосходительство, пройдите туда, без вас все равно ничего не решат.

– Как так, в чем дело?

⁶ В данном случае, по-видимому, «бесчестье, позор». (Примеч. ред.)

Генерал Кутепов пожал плечами.

– Да вот. Все понимают, что другого решения нет, а поставить свою подпись не соглашаются.

– Кто же собственно не соглашается?

– Генерал Турбин и генерал Улагай

Коменданта крепости генерала Турбина я почти не знал, зато смелого и благородного генерала Улагая знал отлично. В отсутствии гражданского мужества я его подозревать не мог. Причину с его стороны надо было искать в чем-то другом. Я прошел к Совету.

– У вас господа, по-видимому, возникли какие-то сомнения. Я считаю необходимым их выяснить, ибо то решение, которое мы примем, может иметь значение, лишь если оно будет единодушным.

Генерал Улагай стал возражать: против решения никто ничего не имеет. Однако он, Улагай, считает, что обусловливание моего согласия получением акта за подписью участников Совета есть признак недостаточного доверия моего к своим сотрудникам, что ни один из них, конечно, от своих слов не откажется и в письменном подтверждении этих слов надобности нет.

– Я поражен, – сказал я, – слышать эти слова от генерала Улагая. Особенно от него. Мы, кажется, пережили немало вместе и не раз имели случай друг друга испытать. Я не допускаю мысли о возможности между нами какого-то недоверия. Мне лично нет надобности в письменном подтверждении слов каждого из здесь присутствующих.

Однако никто из нас не знает, что ожидает нас, быть может, в ближайшем будущем. Каждый из нас, а я тем более, должен буду дать ответ перед будущей Россией, перед русскими людьми, наконец, перед теми, кто нам дорог.

Генерал Улагай тотчас заявил, что он готов дать свою подпись. Генерал Турбин, со своей стороны, не возражал. Стали подходить к столу и подписывать.

Подписали: генерал от кавалерии Драгомиров, вице-адмирал Герасимов, генерал-лейтенант Богаевский, генерал-лейтенант Сидорин, генерал-лейтенант Кельчевский, генерал-лейтенант Вязьмитинов, генерал-лейтенант Шатилов, генерал-лейтенант Турбин, генерал-лейтенант Боровский, генерал-лейтенант Покровский, генерал-лейтенант Топорков, генерал-лейтенант Юзефович, генерал-лейтенант Шиллинг, генерал-лейтенант Кутепов, генерал-лейтенант Ефимов, генерал-лейтенант Улагай, контр-адмирал Евдокимов, генерал-лейтенант Стогов и генерал-майор Махров.

Последним подписал я:

«Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с ней чашу унижения. Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего.

Генерал-лейтенант барон П. Врангель. 22 марта 1920 года».

В то время как подписывался акт, генерал Драгомиров был вызван к аппарату генералом Деникиным. Последний справлялся о том, известно ли мне новое политическое положение и постановление утреннего совещания. Получив утвердительный ответ, генерал Деникин сообщил, что им отдается приказ о назначении меня его преемником.

Приказ этот гласил:

«Приказ

Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России

№ 2899.

г. Феодосия. 22 марта 1920 года.

1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России.

2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

Мы вышли в зал, где тем временем собрались все члены совещания. Генерал Драгомиров предоставил мне слово.

Я начал говорить и при первых же словах почувствовал, как спазмы сжимают мне горло. Меня глубоко растрогала оказанная мне всеми моими соратниками неподдельно трогательная и радостная встреча. Я ясно чувствовал, что среди безысходного горя, разбитых надежд, страданий и лишений они ищут во мне поддержки и опоры. Привезенное мною известие наносило им новый удар.

Что ожидает их в ближайшем будущем? Что станет с теми, кто шли за нами, жертвуя личными интересами, здоровьем и самой жизнью во имя борьбы за свободу и счастье Родины? Что станет с десятками тысяч русских людей, которые в слепом ужасе бежали сюда, на последний клочок Русской земли, под защиту штыков армии?

Неужели напрасно принесено столько жертв, пролито столько крови и слез?

Неужели бесследно будет вычеркнута из истории России светлая страница борьбы ее лучших сынов, борьбы среди смрада российского пожарища, потоков крови, развала и бесчестия Родины? С трудом выдавливая фразы из горла, закончил я свою речь.

Я остался с генералом Драгомировым и генералом Шатиловым.

Я решил немедленно ответить на ноту Великобританского правительства и, приказав послать за начальником политической канцелярии управления иностранных сношений Б. А. Татищевым (начальник управления иностранных сношений А. А. Нератов был болен), стал диктовать генералу Шатилову ответ англичанам. Татищев вскоре прибыл и нота тут же была подписана мною:

«Телеграмма адмиралу де Робеку, в Константинополь, отправленная из Севастополя 22 марта (4 апреля) 1920 года.

Приказом генерала Деникина я назначен Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России и вступил в исполнение моих обязанностей. Категорическое требование Великобританского правительства прекратить борьбу ставит мою армию в невозможность продолжать таковую.

Возлагая на Великобританское правительство всю нравственную ответственность за принятое им решение и совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, я отдаю участь армии, флота и населения занятых нами областей, а также всех тех, кто участвовал с нами в настоящей борьбе, на справедливое решение Великобританского правительства.

Я считаю, что долг чести тех, кто лишает своей помощи в самый решительный час армию Юга России, оставшуюся неизменно верной общему делу союзников, обязывает их принять все меры к обеспечению неприкосновенности армии, населения занятых областей, а также тех лиц, которые не пожелали бы вернуться в Россию, и, наконец, тех, кто боролся против большевиков и ныне томится в тюрьмах Советской России.

Я имею право требовать от моих подчиненных жертвовать жизнью для спасения Отечества, но я не могу требовать от тех, кто считает для себя постыдным принять пощаду от врага, воспользоваться ею.

При этих условиях я нахожу необходимым, чтобы та возможность, которую Британское правительство предлагает Главнокомандующему и его главным сотрудникам, найти приют вне России, была бы предоставлена в одинаковой степени всем тем, кто предпочел бы оставление своей Родины принятию пощады от врага.

Я готов согласиться на самые тяжелые условия для существования за границей этих лиц, чем обеспечилось бы, что этой возможностью воспользуются только те, кому совесть не допускает воспользоваться милостью врага.

Само собой разумеется, что во главе этих лиц я прошу считать меня самого.

Возможно быстрое разрешение вопроса о перемирии и его осуществление является необходимым.

Переговоры могли бы быть возложены на представителей английского командования, находящихся здесь.

Для спокойного разрешения вопросов, связанных с прекращением военных действий и ликвидацией военных и гражданских учреждений, в связи с передачей Крыма Советскому правительству, необходимо предоставить мне не менее двух месяцев от дня завершения переговоров.

В течение этого времени союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым.

Врангель».

Я собирался ехать на крейсер «Генерал Корнилов», когда мне передали принятую по аппарату телеграмму генерала Слащева; последний телеграфировал, что считает мое положение в Севастополе опасным и просит разрешения прибыть с бронепоездом и отрядом своих войск для моей охраны.

Я приказал ответить, что в охране не нуждаюсь, прибытие бронепоезда и войск считаю излишним, лично же генерала Слащева всегда рад буду видеть. Поздно ночью я вернулся в отведенное мне помещение на борту «Генерала Корнилова».

Едва стало светать, как я уже проснулся, разбуженный непривычным шумом утренней уборки. Звенели цепи, трещали скребки, шумела выбрасываемая насосами вода, гулко отдавался в металлических переборках корабля тяжелый топот уборщиков... Сон не возвращался, докучливые, беспокойные мысли лезли в голову. Я встал, оделся и сел писать приказ войскам.

Что мог сказать я им, чем ободрить упавший дух? Наше тяжелое, по-видимому, безвыходное положение известно и офицерам и солдатам. Не сегодня, так завтра им станет известна и измена наших союзников. Не дрогнут ли при этом новом ударе сердца тех, кто грудью своей прикрывает последнюю пядь родной земли?

Войска знали, что я никогда не скрывал от них правды и, зная это, верили мне. Я и теперь не могу сулить им несбыточные надежды. Я мог обещать лишь выполнить свой долг и, дав пример, потребовать от них того же:

«Приказ

Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России

№ 2900.

г. Севастополь. 22 марта 1920 года.

Приказом от 22 марта за № 2899 я назначен генералом Деникиным его преемником.

В глубоком сознании ответственности перед Родиной, я становлюсь во главе Вооруженных сил на Юге России.

Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения.

Призываю верных сынов России напрячь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгод, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье.

В этом залог нашего успеха.

С верой в помощь Божью приступим к работе.

Генерал-лейтенант барон Врангель».

Вошел генерал Шатилов. Он также почти не спал, просидев до поздней ночи с начальником штаба генералом Махровым. Он успел ознакомиться с главнейшими вопросами нашего общего положения.

Правительственного аппарата не существовало. С переходом в Крым «демократическое» правительство Мельникова пало и бывшему начальнику финансового управления М. В. Бернацкому было поручено генералом Деникиным составить новый «деловой» кабинет.

За исключением М. В. Бернацкого, находившегося в Феодосии, и больного начальника управления иностранных сношений А. А. Нератова, все остальные начальники гражданских управлений и многие из ближайших их помощников разъехались. Во главе остатков громоздких управлений с огромным числом служащих, без помещений, с остатками растерянных и брошенных дел, остались второстепенные исполнители.

*Генерал А. И. Деникин (на переднем плане слева)
с генералами и офицерами.
Фотография. 1919 г.*

При упразднении и расформировании частей управлений и учреждений, по распоряжению генерала Деникина, всем оставшимся за штатом было обещано четырехмесячное содержание. Огромные суммы подлежали выдаче в качестве «эвакуационного» пособия.

Крошечный Крым, при полном отсутствии естественных богатств, должен был принять, кормить и оплачивать в течение многих месяцев и армию, и бесконечно разросшиеся тылы Вооруженных сил Юга России.

Неумелая финансовая политика, упорный отказ генерала Деникина от использования для привлечения иностранного капитала громадных естественных богатств Юга России⁷, несовершенство налогового аппарата приводили к тому, что вся финансовая система сводилась к печатанию денежных знаков.

Однако новые и новые эмиссии не могли удовлетворить денежной потребности, беспрерывно возраставшей, по мере обесценения денежных знаков бесконечными их выпусками. При отходе в Крым из четырех экспедиций заготовления государственных бумаг три были частью вывезены и бездействовали, частью погибли. Оставшаяся в Феодосии экспедиция не успевала печатать.

С утерей нами всего Юга России и оставления нас нашими союзниками и без того незначительные суммы, находящиеся в банках и на руках финансовых агентов Главного командования за границей, не могли считаться прочно обеспеченными от захвата многочисленными кредиторами.

На довольствии в армии состояло более 150 000 ртов, но из этого числа лишь около одной шестой могли почитаться боевым элементом, остальную часть составляли раненые, больные, инвалиды разных категорий, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, громадное число чинов резерва, в большинстве случаев престарелых, чинов многочисленных тыловых учреждений.

Крым местными средствами был беден, и в мирное время он жил за счет богатой Северной Таврии; теперь же с населением в значительной степени возросшим, с расстроенным долгими годами Германской и Гражданской войны хозяйственным аппаратом, он не мог прокормить население и армию.

В городах южного побережья Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи, благодаря трудному подвозу с севера, хлеба уже не хватало. Цены на хлеб беспрерывно росли. Не хватало совершенно и необходимых жиров. Не было угля, и не только флот, но и железнодорожный транспорт были под угрозой.

Огромные запасы обмундирования и снаряжения были брошены на Юге России, и раздетую и в значительной части безоружную армию нечем было снабжать. Винтовок было в обрез, пулеметов и орудий не хватало, почти все танки, броневые машины и аэропланы были оставлены в руках противника.

Немногие сохранившиеся боевые машины не могли быть использованы за полным отсутствием бензина. Огнеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, могло хватить лишь на короткое время.

Уцелевшие орудия нечем было запрячь. Конница осталась без лошадей, и единственная конная часть была 2-я конная дивизия генерала Морозова (около 2000 шашек), входившая в состав отошедшего в Крым с севера сухим путем корпуса генерала Слащева.

Кроме этого корпуса, все отошедшие в Крым войска лишились своих обозов. В бедном конскими средствами Крыму недостаток конского состава не представлялось возможным пополнить, особенно при наступавшем времени весенних полевых работ.

Войска за многомесячное беспорядочное отступление вышли из рук начальников. Пьянство, самоуправство, грабежи и даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей.

⁷ Юг России – автономное государство (форма правления: военная диктатура), существовавшее в 1918–1920 гг. и включавшее в себя Кубань, Крым, Восточную, Центральную и часть Западной Украины, Новороссию, Черноземье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ. Руководителем Юга России были главнокомандующие ее Вооруженных сил: генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, барон П. Н. Врангелем. (Примеч. ред.)

Развал достиг и верхов армии. Политиканствовали, интриговали, разводили недостойные дразги и происки. Благодатная почва открывала широкое поле деятельности крупным и мелким авантюристам.

Особенно шумели оставшиеся за бортом, снедаемые неудовлетворенным честолюбием, выдвинувшиеся не по заслугам генералы: бывший командующий Кавказской армией генерал Покровский, генерал Боровский; сподвижник грабительского набега генерала Мамонтова, его начальник штаба генерал Постовский. Вокруг них собиралась шайка всевозможных проходимцев, бывших чинов многочисленных контрразведок, секретного отдела ОСВАГа и т. п.

Среди высшего командования донцов также было неблагополучно. Генерал Сидорин и генерал Кельчевский, окончательно порвав с добровольцами», вели свою самостоятельную казачью политику, ища поддержки у «демократического» казачества.

Генерал Слащев, бывший полновластный властитель Крыма, с переходом Ставки в Феодосию оставался во главе своего корпуса. Генерал Шиллинг был отчислен в распоряжение Главнокомандующего. Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым.

Однако полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался.

Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал Ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц.

Аппарат внутреннего управления был в полном расстройстве. Прodelав эволюцию от единоличной диктатуры до демократического правительства, при котором Главнокомандующий являлся лишь главою вооруженных сил, генерал Деникин спутал все карты в колоде своей политической игры.

Во главе гражданского управления в Крыму стоял Таврический губернатор Перлик, недавно назначенный после оставившего этот пост Б. А. Татищева. Он бессилён был, при отсутствии твердых руководящих сверху указаний, управлять внутренней жизнью края.

Если этих твердых руководящих указаний не давалось за последнее время, то и раньше единая определенная внутренняя политика отсутствовала. Одновременно с гражданским управлением политика проводилась и политической частью штаба во главе со вторым генерал-квартирмейстером. Двойственность и, как следствие ее, «разнобой», при таком порядке вещей, были неизбежны. Неудовлетворительный подбор представителей власти на местах, при общем бессилии правительственного аппарата, еще более этот «разнобой» усиливал.

Отношение местного татарского населения было в общем благожелательно. Правда, татары неохотно шли в войска, всячески уклоняясь от призывов, но никаких враждебных проявлений со стороны населения до сего времени не наблюдалось.

Настроение в городах, особенно в портовых, с пришлым, в значительной степени промышленным населением, также в общем не внушало особенных тревог, хотя под влиянием работы эсеров, успевших проникнуть по новому демократическому закону в значительном количестве в местные городские самоуправления, среди рабочих портового завода в Севастополе уже имели место значительные беспорядки. В штабе имелись сведения о готовящейся забастовке.

Ушедший в горы с некоторыми своими приспешниками, капитан Орлов присоединил к себе несколько десятков укрывавшихся в горных деревушках дезертиров. Он изредка появлялся на Симферопольском шоссе, нападая на отдельных проезжающих и одиночных стражников.

Однако на более крупные предприятия не решался. С отходом армии в Крым к нему бежали ищущие наживы, не брезгующие средствами проходимцы. Среди последних оказался и бывший личный адъютант генерала Май-Маевского капитан Макаров. Имелись сведения, что большевистские агенты снабжают отряды Орлова и Макарова оружием и деньгами.

Условия будущей работы представлялись безнадежно тяжелыми. Не только приходилось все строить заново, но и погашать старые обязательства.

Генерал Шатилов успел повидать и новых чинов штаба Главнокомандующего. С оставлением генералом Романовским поста начальника штаба и уходом генерал-квартирмейстера генерала Плющевского-Плющик начальником штаба Главнокомандующего был назначен генерал Махров. Должность генерал-квартирмейстера занял полковник Коновалов. Делами второго генерал-квартирмейстера ведал полковник Дорман.

Генерала Махрова я знал очень хорошо. Он долгое время состоял в Кавказской армии начальником военных сообщений. Это был чрезвычайно способный, дельный и знающий офицер Генерального штаба. Ума гибкого и быстрого, весьма живой. Он не прочь был поиграть «демократизмом». Либерализм начальника штаба в настоящее время являлся в значительной мере отражением политических взглядов его ближайших помощников обоих – генерал-квартирмейстеров.

Среди офицерства Ставки и высших чинов, настроенных в общем право, либерализм начальника штаба и его ближайших помощников вызывал большие нарекания. Их обвиняли в «эсеровщине».

Однако полковник Коновалов даже его врагами признавался за выдающегося по способностям офицера. Впоследствии я имел случай убедиться в справедливости этого мнения. Полковник Дорман был также способный офицер.

Дежурным генералом состоял генерал Трухачев, занимавший эту должность с первых шагов Добровольческой армии, хорошо знающий свое дело.

Я наметил в дальнейшем ограничить работу штаба исключительно военными вопросами, изъяв из ведения штаба вопросы политического характера.

Я считал, что всякие перемены личного состава, особенно в настоящие дни общего развала, были бы только вредны. Неизбежные перемены могли быть сделаны лишь постепенно, более или менее безболезненно, в порядке работы. Ввиду сложившихся в последнее время моих отношений с генералом Деникиным, я считал особенно необходимым возможно щепетильно относиться к тем его сотрудникам, которые ныне становились моими.

Все эти соображения я высказал генералу Шатилову, прося его вместе с тем дружески переговорить с генералом Махровым, ознакомить его с моими соображениями и взглядами на дальнейшую, ожидаемую мной от штаба работу.

В разговоре с генералом Махровым надлежало, в частности, затронуть вопрос и о той части работы штаба, касающейся внутренней разведки» которая, вероятно, перешла к нему после расформирования пресловутого ОСВАГа. Я подразумевал ту «информацию вверх», коей освещалась деятельность старших начальников, не исключая помощников Главнокомандующего.

Я не мог допустить мысли о возможности предательства моих ближайших сотрудников и всякую слежку за ними считал недостойной.

Предстоящая работа требовала огромного с моей стороны напряжения и личного участия как в тылу, так и на фронте. В настоящие трудные дни личное влияние вождя приобре-

тало особое значение. Одной из крупных ошибок моего предшественника было постепенное полное прекращение общения с войсками.

Я предложил генералу Шатилову должность моего помощника с тем, чтобы при поездках моих на фронт он мог бы меня заменять в Севастополе. Приказ о назначении генерала Шатилова помощником Главнокомандующего состоялся 24 марта.

Вскоре прибыл генерал Махров. Он привез известие об отъезде генерала Деникина с несколькими лицами его личного штаба из Феодосии в Константинополь. Генерал Деникин оставлял Крым на том же корабле, «Emperor of India», который привез меня.

Генерал Слащев телеграфировал, что будет сегодня в Севастополе.

Доклад генерала Махрова подтвердил мне те сведения, которые сообщил генерал Шатилов.

Общая стратегическая обстановка представлялась в следующем виде: отношения большевиков с поляками окончательно испортились, и со дня на день можно было ожидать возобновления борьбы на Польском фронте. Туда были переброшены, освободившиеся после разгрома армии генерала Деникина, красные части, за исключением незначительного числа войск, оставленных для преследования окончательно деморализованных, потерявших всякую боеспособность, прижатых к Черному морю казаков.

На Крымском фронте против частей генерала Слащева действовала 13-я советская армия, общей численностью около 6000 штыков и 3000 шашек (число бойцов в передовой линии; общее число на фронте и в тылу в шесть-семь раз больше).

В состав 13-й советской армии входили части Эстонской пехотной дивизии, 46-й стрелковой, 8-й Червоного казачества кавалерийской, 13-й кавалерийской бригады и ряд мелких отрядов: карательный китайский, заградительный, пограничный конный и т. д.; за последние дни к противнику подошла Латышская пехотная и ожидалось прибытие 3-й стрелковой дивизии.

Позиция противника усиленно укреплялась и усиливалась артиллерией. Стратегический план красного командования, по-видимому, предусматривал крупные наступательные операции на Польском фронте, ограничиваясь на нашем фронте обороной.

Занятые нашими войсками позиции были весьма неудобны, так как делали чрезвычайно затруднительной активную оборону. В летнее время Сиваш в средней своей части мелел, и позиции легко обходились. Представлялось настоятельно необходимым выдвинуть часть позиций вперед, овладев выходами из Сальковского и Перекопского дефила.

Генерал Махров предлагал воспользоваться для намеченной операции частью полков Добровольческого корпуса, наименее утративших боеспособность, произведя на обоих флангах противника десанты и одновременно нанося удар с фронта и действуя десантными частями в тыл противника.

Я предложил генералу Махрову детально разработать намеченную операцию, совместно с командующим флотом и одновременно снести с нашей морской базой в Константинополе, дабы необходимый для десантных операций флота уголь был бы срочно доставлен.

Я дал указания немедленно наметить будущую линию нашей обороны и произвести все расчеты по организации будущих работ по ее укреплению. Придавая исключительное значение укреплению северных выходов из Крыма, я предполагал поручить организацию и общее руководство работами бывшему моему начальнику штаба генералу Юзефовичу.

Одновременно должны были производиться работы для подготовки укреплений к северу от Севастополя с целью прикрыть порт и нашу главную базу.

Я дал указания немедленно принять самые решительные меры по учету, разбору и сохранению всех эвакуированных в Крым запасов, по оборудованию, где только возможно, необходимых мастерских и складов. Все дело снабжения, как армии, так и городов Крыма, я

решил сосредоточить в одних руках, что одно давало возможность избежать излишних междуправительственных трений и гарантировало наиболее планомерное использование в общих интересах скудных местных средств.

Главным начальником снабжения я решил назначить генерала Вильчевского, бывшего начальника снабжения Кавказской армии, неподкупная честность, энергия и твердость которого мне были хорошо известны.

А. В. Кривошеин (слева), П. Н. Врангель
(в центре) и П. Н. Шатилов. Крым. 1920 г.

Александр Васильевич Кривошеин (1857—1921) — председатель правительства Юга России (1920), приглашенный лично П. Н. Врангелем. С 1906 г. — член Государственного совета.

В 1908—1915 гг. занимал должность Главноуправляющего землеустройством и земледелием Российской империи. Гофмейстер, действительный тайный советник.

Павел Николаевич Шатилов (1881—1962) — участник Белого движения, генерал от кавалерии (1920). Начальник штаба Врангеля в Кавказской, Добровольческой, а затем и в Русской армии.

Бесчисленное количество войсковых частей необходимо было свести в более крупные соединения, сократить многочисленные штабы и усилить боеспособным элементом боевой состав полков, дать армии правильную организацию.

Я наметил свести войска первоначально в три корпуса: корпус генерала Кутепова, главным образом бывшие части Добровольческого корпуса – Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии; корпус генерала Слащева, сведя бесконечные части, его составлявшие, в две пехотные дивизии – 13-ю и 34-ю, кадры которых входили в состав корпуса; донские части должны были составить Донской корпус. Регулярные конные части намечалось свести в шесть полков.

Готовясь к продолжению борьбы, я считал совершенно необходимым безотлагательно обеспечить армию на случай несчастья.

Я предложил генералу Махрову немедленно разработать, совместно со штабом командующего флотом, план эвакуации, наметить те порты, куда войска должны были отходить и где они должны были грузиться, принять меры к сосредоточению в этих портах необходимого тоннажа, запасов угля и масла. До той поры пока флот не был обеспечен углем и маслом, мы оставались под угрозой гибели.

Снабжение Крыма, как топливом, так и всем прочим, производилось через Константинополь. Там же пребывали Верховные союзные комиссары, непосредственные руководители политики своих правительств на Ближнем Востоке и Юге России. Я просил генерала Шатилова безотлагательно проехать в Константинополь и совместно с нашим военным представителем наметить меры по обеспечению Крыма, хотя бы на первое время, необходимыми запасами.

Генерал Шатилов должен был повидать Великобританского верховного комиссара адмирала де Робека и командующего Английским оккупационным корпусом генерала Мильна, с коими и вести переговоры в духе ноты моей в ответ на предъявленный мне ультиматум, всемерно стараясь не дать англичанам возможности «выйти из игры», втягивая их в переговоры с большевиками и, по возможности, выигрывая время. Генерал Шатилов решил выехать через день, 25 марта.

Прибыл генерал Слащев. После нашего последнего свидания он еще более осунулся и обрюзг. Его фантастический костюм, громкий нервный смех и беспорядочный отрывистый разговор производили тягостное впечатление. Я выразил ему восхищение перед выполненной им трудной задачей по удержанию Крыма и высказал уверенность, что под защитой его войск я буду иметь возможность привести армию в порядок и наладить тыл.

Затем я ознакомил его с последними решениями Военного совета. Генерал Слащев ответил, что с решением Совета он полностью согласен, и просил верить, что его части выполняют свой долг. Он имел основание ожидать в ближайшие дни наступления противника.

Я вкратце ознакомил его с намечаемой операцией по овладению выходами из Крыма. Затем генерал Слащев затронул вопросы общего характера. Он считал необходимым в ближайшие же дни широко оповестить войска и население о взглядах нового Главнокомандующего на вопросы внутренней и внешней политики.

Неопределенная в последнее время, неустойчивая политика генерала Деникина, в связи с широко развившейся пропагандой враждебных нашему делу групп, окончательно сбила с толку всех. Необходимо было ясно и определенно дать ответ на наиболее жгучие вопросы, вырвать из рук наших врагов козыри их политической игры. Без этого нам не вдохнуть в войска утерянную веру в правоту нашего дела и не вернуть доверия населения. С этим нельзя было не согласиться.

Тут же генерал Слащев стал жаловаться на «левизну» начальника штаба и его ближайших помощников, на несоответствие целого ряда старших начальников добровольческих частей, которые якобы «совсем ненадежны», что его корпус, во главе с ним самим, единственно верные мне части и что он имеет сведения о том, что в Севастополе старшие чины Добровольческого корпуса «подготавливают переворот», чем и вызвана была его телеграмма

накануне. Я поспешил прекратить разговор, предложив генералу Слащеву съехать со мной на берег, чтобы повидать прибывших с ним людей его конвоя.

На Нахимовской площади был выстроен полуэскадрон. Я поздоровался с людьми, благодарил их за славную службу и объявил, что в ознаменование заслуг славных войск, отстоявших последнюю пядь родной земли, произвожу их начальника генерала Слащева в генерал-лейтенанты, а его начальника штаба – в генерал-майоры. Генерал Слащев отбыл на фронт, я вернулся на крейсер «Генерал Корнилов», где принял депутации духовенства и общественных деятелей.

Депутации приветствовали меня в весьма теплых выражениях, высказав уверенность, что отныне русское знамя в твердых руках. Я благодарил, упомянув о том, что нравственная поддержка, оказываемая мне ими, особенно ценна в эти трудные дни.

«Вы знаете наше положение, знаете то тяжелое наследство, которое досталось мне, и слышали уже, вероятно, о том новом ударе, который нанесен нам нашими недавними союзниками. При этих условиях с моей стороны было бы бесчестным обещать вам победу. Я могу обещать лишь с честью вывести вас из тяжелого положения», – закончил я.

После этого я беседовал с членами депутатий. Здесь также затрагивалось большинство тех вопросов, которые так больно переживались всеми: крестьянский, в связи со жгучим земельным вопросом, ставшим главным орудием пропаганды среди крестьянства врагов нашего дела, острый вопрос об отношениях Южно-Русской власти к новым государственным образованиям, отношение Главного командования с казачьими правительствами, наконец, отношение к западноевропейским державам и, в частности, возможность при измене нашему делу Антанты опереться на Германию.

Все эти вопросы весьма волновали общество и армию. Мои ответы встречены были, по-видимому, с большим удовлетворением, и собеседники мои настаивали на необходимости ознакомления с моими взглядами возможно более широких кругов населения.

При отъезде депутатий епископ Вениамин, бывший в числе присутствующих, просил разрешения остаться, желая иметь со мной особый разговор. Он обращал внимание мое на угрожающий упадок нравственности в армии. Междоусобная война со всеми ее ужасами извращала все нравственные понятия, грязнила душу. В то же время ничего не делалось для духовно-религиозного воспитания войск.

Работы духовенства в войсках почти не было. Я не мог с этим не согласиться. Управляющий военным и морским духовенством протопресвитер Шавельский, находясь безотлучно при Ставке Главнокомандующего, стоял лично, видимо, весьма далеко от войск. Войсковое духовенство сплошь и рядом было не на высоте.

В связи с общей работой по возрождению армии я считал совершенно необходимым не только беспощадную чистку ее от порочных элементов, но и проведение целого ряда мер для повышения нравственного уровня в войсках, в том числе и духовно-религиозного воспитания. Работа и в этом отношении предстояла большая, и во главе военного духовенства должен был быть поставлен человек исключительно деятельный.

Мало зная наше высшее духовенство, мне трудно было наметить такое лицо; я решил посоветоваться с членом Церковного собора графом П. Н. Апраксиным, бывшим таврическим губернатором, ныне председателем Ялтинской городской думы, человеком высоко честным и глубоко религиозным.

Он находился в Севастополе, и я просил его на следующий день прибыть ко мне. Граф Апраксин горячо рекомендовал мне самого епископа Вениамина, который, помимо других качеств, как епископ Севастопольский был хорошо известен населению Таврии и пользовался среди последнего высоким уважением.

Протопресвитер Шавельский, по словам графа Апраксина, под влиянием событий последнего времени сильно пал духом. Разбитый душой, глубоко морально потрясенный, он в настоящее время для работы был мало пригоден.

Я написал протопресвитеру Шавельскому письмо, прося его взять на себя задачу ознакомиться на месте с положением наших беженцев за границей, о тяжелых условиях существования которых до нас доходили слухи, и принести им слово утешения. 31 марта состоялся приказ о назначении епископа Вениамина управляющим военным и морским духовенством.

Из Феодосии прибыл М. В. Бернацкий и подал мне прошение об отставке. Мне удалось убедить его взять прошение обратно. Его уход в эти дни оставил бы меня в беспомощном положении. М. В. Бернацкий считал необходимым в ближайшее время проехать за границу, чтобы точно выяснить, на какие из депонированных за границей сумм мы имеем возможность рассчитывать.

В этот день посетили меня представители союзнических военных миссий. Из разговоров с представителем Французской миссии генералом Манженом, я убедился, что об ультиматуме, предъявленном англичанами, ему ничего не известно.

25 марта на Нахимовской площади был назначен торжественный молебен и парад войскам. После обедни в соборе крестный ход во главе с епископом Вениамином под колокольный звон направился к Нахимовской площади, по дороге к нему присоединялись крестные ходы из других церквей.

Вдоль Екатерининской улицы и вокруг площади стояли развернутым фронтом войска. Против памятника адмиралу Нахимову был установлен аналой. Здесь стояла группа высших чинов и представители союзнических миссий. Окна, балконы, даже крыши домов были усеяны зрителями.

Стоял тихий солнечный день. Голубое небо отражалось в гладкой, как зеркало, бухте. Плавно неслись звуки церковного пения соборного хора, в неподвижном воздухе не трепетал огонь многочисленных свечей, стоял дым кадильного курения. Молебен закончился, епископ Вениамин огласил, изданный накануне, указ Правительствующего сената:

«Указ

именем закона из Правительствующего сената всем подчиненным ему присутственным местам и должностным лицам и во всеобщее сведение.

Именем закона, Правительствующий сенат слушал: приказ от 22 марта 1920 года бывшего Главнокомандующего генерала Деникина о назначении Главнокомандующим всеми Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта барона Врангеля и приказ последнего о вступлении его в должность.

Приказал: промыслом Божиим предначертано новому Главнокомандующему стать во главе воинских сил и гражданского управления в исключительной важности исторический момент, когда, невзирая на героические усилия доблестной армии, большевистские полчища стоят на подступах к Крыму и мирное население, истощенное чрезвычайными тяготами жизни, теряет уверенность в будущем.

В этот грозный час с честью вывести армию и население из настоящего, беспримерно трудного положения и отстоять оплот Русской государственности на Крымском полуострове может только крепкая вера в нее и сильная воля любимого войсками вождя.

Проникнутая беззаветной любовью к Родине, решимость не знавшего поражений и заслужившего всеобщее доверие генерала Врангеля принять на себя великий подвиг предводительства вооруженными силами, борющимися с врагами Веры и Отечества, обязывает всех истинных сынов России сплотиться вокруг него в служении святому делу спасения Родины.

Правительствующий сенат, со своей стороны, в сознании лежащей на нем обязанности утверждения законности и порядка, почитает своим долгом призвать все органы государ-

ственного управления и все население страны к дружному объединению под властью нового Главнокомандующего, к полному ему повиновению, к честному и самоотверженному служению нуждам армии, не за страх, а за совесть и не щадя живота своего, и к сохранению в тылу спокойствия, порядка и бодрости духа.

В благоговейном уповании на милосердие Господне к исстрадавшейся Родине нашей и с непоколебимой верой в нового народного вождя, которому отныне принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений, – Правительствующий сенат определяет: особым указом дать знать о сем всем присутственным местам и должностным лицам и опубликовать сей указ во всеобщее сведение. Марта 24-го дня 1920 года.

*обер-секретарь П. Мезенцов помощник обер-секретаря С. Бубель-Яроцкий
по Общему собранию Правительствующего сената».*

Прочувственное слово сказал протопресвитер Шавельский, благословил меня иконой Св. Михаила Архангела.

На возвышение поднялся епископ Вениамин.

– Слушайте, русские люди, слушайте, русские воины, слушайте вы, представители наших союзников, слушайте вы, те большевики, которые находитесь здесь, среди толпы... – звенящим, покрывающим всю площадь, голосом начал владыка.

Он говорил о тяжких страданиях, ниспосланных нашей Родине свыше, как искупление за грехи всех слоев русского народа, о высоком подвиге, который свершают те, которые среди развала и позора Родины чистым несут родное русское знамя, о том тяжелом крестном пути, которым, вот уже несколько лет, идет русская армия.

– Путь этот тернист, он не окончен.

Мы только что перенесли тяжелые испытания, ближайшее будущее, быть может, готовит нам новые. Но вера творит чудеса, тот, кто верит, кто честно и мужественно идет указанным ему совестью путем, тот победит.

Месяц тому назад, русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала, быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага...

Сказанная с огромным подъемом и необыкновенной силой проповедь произвела большое впечатление.

После окропления войск святой водой полки построили на площади резервный порядок. Я, поднявшись к памятнику адмирала Нахимова, обратился к войскам. Обрисовав в нескольких словах наше тяжелое положение, я сказал, что без трепета и колебания стал во главе армии в эти дни.

Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед Родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня воскресения России. Войска проходили церемониальным маршем.

Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые, заплатанные сапоги, усталые землистые лица, но весело и бодро блестят глаза, твердо отбивают шаг. Где-то в глубине души шевелится теплое, бодрое чувство: «Нет, не все еще потеряно, нет, мы можем еще держаться...»

После парада я присутствовал на устроенном в мою честь флотом завтраке в морском собрании. Беседовал с офицерами и представителями команд. И здесь настроение было бодрое, приподнятое, казалось, каждый себя старался уверить в возможности светлого будущего.

Из морского собрания я проехал в штаб, где принимал представлявшихся чинов штаба, а затем делал визиты военным представителям Англии, Франции и Соединенных Штатов.

На другой день я съехал с крейсера «Генерал Корнилов» и переехал в приготовленное для меня помещение в город, в так называемый Малый дворец, одноэтажный, небольшой

особняк с крохотным садом, выстроенный когда-то для Великого Князя Алексея Александровича, генерал-адмирала Русского флота.

По окончании Военного совета 22 марта старшие начальники разъехались: генерал Улагай отправился к своей армии, генерал Сидорин – в Евпаторию к своим донцам, генерал Кутепов – в Симферополь. На местах началась работа по реорганизации Крымского, Донского и Добровольческого корпусов, производился учет материальной части, войска приводились в порядок.

Мой штаб, совместно со штабом командующего флотом, подробно разработал предстоящую операцию по овладению выходами из Крыма. Для начала наступления ожидалось лишь прибытие вышедших из Константинополя транспортов с углем. Для участия в операции, помимо корпуса генерала Слащева, были намечены части Добровольческого корпуса – дроздовцы и алексеевцы.

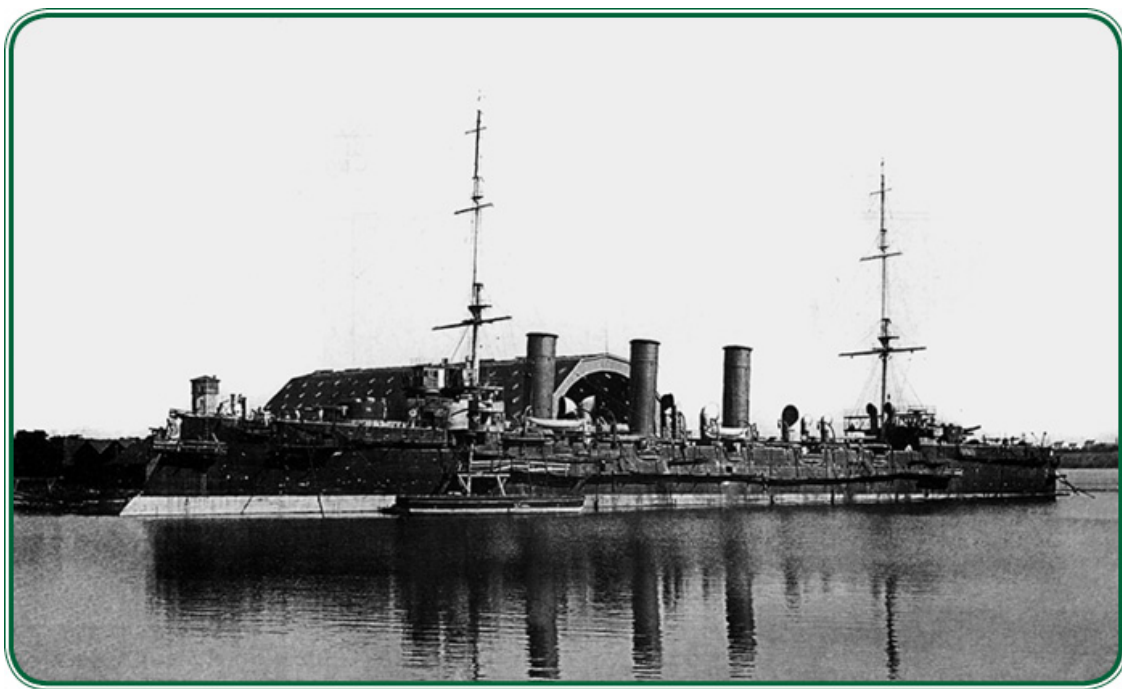
По завершении операции, я наметил сосредоточить добровольцев в северо-западной части полуострова, возложив на Добровольческий корпус оборону Перекопского перешейка, части же Крымского корпуса сосредоточить к востоку и возложить на них оборону перешейка у Салькова и Геническа; эшелонированный вдоль линии железной дороги и имея весьма малый фронт, корпус мог передохнуть и спокойно произвести намеченную реорганизацию.

Из Симферополя прибыл и. д. губернатора Перлик. Начальника губернии чрезвычайно беспокоил вопрос о продовольствии городов. Вследствие расстроенного транспорта подвоз хлеба из северной хлебородной части полуострова в города южного побережья совсем прекратился, что, в связи с прибытием в Крым большого числа войск и беженцев, делало вопрос о продовольствии этих городов особенно острым.

Большой недостаток ощущался и в других предметах продовольствия. Не хватало жиров, чая, сахара. Беспорядочные, самовольные реквизиции войск еще более увеличивали хозяйственную разруху и чрезвычайно озлобляли население. Необходимо было принять срочные меры, чтобы остановить дальнейшую разруху.

С приходом армии в Крым чрезвычайно усилилась работа большевистских агентов. Работа эта последнее время особенно сильно велась среди крестьянского населения. Хотя в Крыму земельный вопрос и не стоял так болезненно, как в прочих частях нашего Отечества, но и здесь, особенно в северных земледельческих уездах, агитация на почве земельного вопроса могла встретить благодатную почву.

Что же касается уездов Северной Таврии, с крупными селами и громадными помещичьими имениями, то вопрос этот стоял там особенно остро. По имевшимся оттуда сведениям, враждебная нам пропаганда среди крестьян имела там большой успех. Начальник губернии также придавал исключительное значение ознакомлению населения со взглядами власти на земельный вопрос.

**Бронепалубный крейсер «Очаков» у достроечной стенки
в Севастополе. Фотография. 1909 г.**

Благодаря тому что генерал Деникин до последнего времени не решился разрубить этот gordiev узел и дальше бесконечного обсуждения в комиссиях вопрос не пошел, а за это время враждебные нам группы успели использовать его как орудие политической борьбы, вокруг этого вопроса создалась такая сложная болезненная атмосфера, что даже и сочувствующие нам общественные группы и благонамеренные органы прессы окончательно потеряли под ногами почву.

Пресса в Крыму была представлена целым рядом повседневных изданий: «Юг России», «Крымский вестник», «Вечернее слово» и «Заря России» – в Севастополе, «Таврический голос», «Время», «Южная речь» – в Симферополе, «Ялтинский вечер» – в Ялте, «Евпаторийский курьер» – в Евпатории, «Вечернее время» – в Феодосии и т. д.

Конечно, камертон давала Севастопольская пресса: «Вечернее слово», редактируемое Бурнакиным, листок монархического оттенка, «Юг России» под редакцией Аркадия Аверченко, газета умеренного направления и «Крымский вестник», либеральничавший еврейский орган. Серьезного государственного органа не было.

После смерти пресловутого ОСВАГа на территории Вооруженных сил Юга России образовался целый ряд вскармливаемых правительством информационных органов: «Пресс-бюро», «Редагот», «Инфот», «Осогот», «Политотдел» и т. д. Все эти органы стоили огромных денег и, пополненные прежними сотрудниками ОСВАГа, вели почти безответственную и, в большинстве случаев, явно вредную работу.

Цензура была поставлена совершенно неудовлетворительно. Места цензоров занимались, в большинстве случаев, строевыми офицерами, не обладавшими ни необходимыми сведениями, ни достаточным кругозором.

Сплошь и рядом статьи совершенно невинного характера, почему-либо казавшиеся цензору подозрительными или просто ему непонятные, не пропускались, зато подчас, по недомыслию, на столбцы газет попадали заметки определенно провокационного характера: то сообщалось, «по сведениям из осведомленного источника», о «предстоящем назначении

на ответственный пост» какого-либо лица, успевшего предыдущей деятельностью своей вызвать общее неудовольствие, то появлялось известие о намечаемой «реформе в армии – снятии с офицеров погон» и т. д.

В нервной, напряженной обстановке тех дней подобные известия встречались весьма болезненно. За последнее время во всей прессе с исключительной горячностью обсуждался вопрос о стеснениях цензуры, предъявлялись требования «предоставить свободу печати» и т. д. Шумиха принимала недопустимые размеры.

Я пригласил к себе всех трех редакторов газет. Предложив им чаю, я высказал большое удовлетворение видеть у себя представителей местной прессы, наиболее близко стоящей к органам правительственной власти, к голосу которой, конечно, прислушивается провинциальная печать.

– Некоторые из вас, господа, знают меня, вероятно, по прежней моей деятельности и знают, что я всегда был другом печати. Печатному слову я придаю исключительное значение особенно в настоящие дни, когда вся страна, весь народ не могут оставаться в стороне от событий, переживаемых Родиной.

Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам. Вместе с тем я должен указать вам, что мы находимся в положении исключительном.

Мы в осажденной крепости – противник не только угрожает нам с севера, но мы вынуждены нести охрану всего побережья, где можно ожидать высадок его отрядов. При этих условиях мы не можем обойтись без цензуры. В самых либеральных государствах на театре военных действий, а тем более в осажденных врагом крепостях, самая строгая цензура неизбежна.

Эта цензура не может исключительно распространяться на военные вопросы, ибо во время войны, а тем более войны гражданской, где орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи, отделить военную цензуру от общей невозможно.

Я не сомневаюсь, господа, в вашем патриотизме и очень бы хотел избавить вас от тех стеснений, которые мешают вашей работе. Вместе с тем, будучи ответствен за то дело, во главе которого стою, я вынужден принять меры для ограждения армии и населения, под защитой армии находящегося, от всего того, что могло бы им угрожать.

Я предлагаю на ваше усмотрение два выхода: или сохранить существующий ныне порядок, причем я обещаю вам принять все меры к тому, чтобы упорядочить цензуру, чтобы подобрать соответствующий состав цензоров, или, освободив печать от цензуры, возложить всю ответственность на редакторов. В этом случае последние явятся ответственными перед судебной властью.

В случае появления статей или заметок, наносящих вред делу нашей борьбы, они будут отвечать по законам военного времени, как за преступление военного характера. Должен обратить ваше внимание, что, по военным законам, действия, наносящие вред нам и служащие на пользу противника, караются весьма строго, вплоть до смертной казни. Обдумайте, господа, мое предложение и дайте мне ваш ответ.

Первым подал голос редактор «Крымского вестника», поспешивший заявить, что, ввиду нашего исключительно тяжелого положения и учитывая все приведенные мною сообщения, он готов признать вопрос об отмене цензуры несвоевременным; с ним согласился представитель редакции «Юга России».

Один Бурнакин сказал, что готов принять ответственность за свой орган. После этой беседы вопрос об отмене цензуры на столбцах печати больше не обсуждался.

В эти дни в Крым пришли известия об убийстве в Константинополе в здании российского посольства генерала Романовского. Подлое убийство из-за угла. Подробности не были еще известны.

27 марта в соборе штабом Главнокомандующего служилась панихида по своему бывшему начальнику. Выходя из собора после службы, я увидел на паперти Петра Бернгардовича Струве и Н. М. Котляревского, бывшего сотрудника и секретаря А. В. Кривошеина. В день моего отъезда из Константинополя П. Б. Струве в городе отсутствовал и, вернувшись, узнал о выезде моем в Крым.

Он поспешил прибыть в Севастополь, справедливо полагая, что мне необходимы желающие работать, преданные делу люди. Я глубоко оценил эти побуждения. Человек большого ума, огромной эрудиции, Струве как ученый и политик был хорошо известен в Европе. Как советник он мог мне быть чрезвычайно полезен.

От П. Б. Струве и Н. М. Котляревского узнал я впервые подробности убийства генерала Романовского и обстоятельства, вызвавшие занятие здания российского посольства английскими войсками. Н. М. Котляревский привез мне рапорт нашего военного представителя генерала Агапеева. Последний так описал это событие: «23 марта в 3 часа дня я был извещен по телефону нашим военно-морским агентом о приезде в 3 часа дня в Константинополь генерала Деникина.

Поручив офицеру, доложившему мне, предупредить об этом некоторых чинов военного представительства, я взял с собой офицера для поручений и отправился на автомобиле на пристань Топханэ, откуда мне телефонировал военно-морской агент, встречать приезжающего генерала Деникина.

Около половины пятого генерал Деникин в сопровождении генерала Романовского прибыл в здание русского посольства и прошел в квартиру посла. Я также прошел туда.

Через несколько минут генерал Романовский вышел в вестибюль, чтобы отдать распоряжение шоферу.

В тот момент, когда он входил, возвращаясь из вестибюля, в бильярдную, к нему сзади подошел неизвестный, одетый в офицерское пальто образца мирного времени с золотыми погонами, который выхватил из правого кармана револьвер системы “Кольт” и произвел три выстрела в упор.

Через 2 минуты генерал Романовский, не приходя в сознание, скончался. Убийца бросился по главной лестнице посольства наверх и пытался проникнуть на черный ход, но дверь туда была заперта по приказанию смотрителя зданий дня за 4 до этого. Тогда убийца бросился к другой двери в зал, где живут беженцы. Эта дверь также была заперта, но ее открыла убийце одна из беженок, и убийца быстро прошел на черный ход и скрылся».

Напуганная убийством генерала Романовского, боявшаяся за участь мужа, жена генерала Деникина обратилась к прибывшему одновременно с ним в Константинополь генералу Хольману с просьбой прислать для защиты мужа английские войска Обязанности российского дипломатического представителя исполнял русский консул Якимов, заменявший давно назначенного, но все еще не прибывшего к месту назначения, поверенного в делах Щербатского.

Якимов заявил английским властям протест против нарушения экстерриториальности посольства. Генерал Агапеев просил генерала Деникина снести с генералом Хольманом и не допустить оскорбительного для русского достоинства ввода в посольство английских солдат. Все оказалось тщетным. Генерал Деникин не выполнил просьбы генерала Агапеева. Англичане заявили, что бывший Главнокомандующий находится под их покровительством и они не могут отказать ему в защите.

«С моей стороны, – писал генерал Агапеев, – вслед за вводом английской полиции была сделана попытка напомнить генералу Деникину, что на нем как на бывшем Главнокомандующем ВСЮР⁸ лежат некоторые нравственные обязанности в вопросе о поддержании

⁸ То есть Вооруженными силами Юга России.

достоинства России, причем я начал разговор с ним о наглой выходке генерала Хольмана и как я на нее реагировал, но генерал Деникин, не дав договорить мне, резко оборвал меня, встал и тоном, не допускавшим возражений сказал: “Ваше превосходительство! Зачем вы мне это говорите?...”»

То напоминание, которое я сделал, было, конечно, неприятно генералу Деникину; я полагаю, он принял решение, сознавая, что оно несовместимо с престижем той идеи, которой он служил, но не желая, чтобы это сознавали другие. Так как попытка моя потерпела полное крушение, то мне ничего не оставалось больше, как повернуться и уйти».

Посольство было занято гуркосами⁹. Генерал Деникин, даже на панихиде, присутствовал окруженный ими. На другой день, накануне похорон своего соратника и друга, генерал Деникин выехал в Англию.

После его отъезда английским командованием было выпущено объявление с предупреждением, что если виновники убийства не будут обнаружены, то все русские офицеры будут выселены из района Константинополя. (На убитом генерале Романовском в боковом кармане кителя оказалось перлюстрированное письмо генерала Шатилова к генералу Науменко. Письмо было частное, касавшееся личных вопросов, – просьба устроить службу одному лицу.)

Необходимо было оградить престиж русского имени. Я отдал приказ об отчислении генерала Агапеева и г-на Щербатского, как не принявших достаточных мер по охране генерала Деникина и прибывших с ним лиц, «следствием чего явилось убийство в Константинополе генерала Романовского и ввод в русское посольство английских войск».

В частном письме генералу Агапееву я изложил ему мои соображения и просил не сетовать на меня, ибо я вынужден поступить так, дабы избежать в дальнейшем возможности повторения со стороны англичан новых бестактностей. Я принял меры, чтобы приказ мой стал известен представителям союзного командования. Приказ возымел действие, и через несколько дней вывешенные в Константинополе объявления английских властей были сняты, а начавшиеся было против русских мелкие репрессии совершенно прекратились.

В дальнейшем, несмотря на враждебную нам политику Английского правительства, со стороны английских представителей в Константинополе и в Крыму я встречал неизменно самое корректное, предупредительное отношение. Много позже, уже по оставлении России, я от моих английских друзей слышал, что приказ, отданный мною в ограждение русского достоинства, отданный в дни, когда судьба Крыма была всецело в руках англичан, был англичанами оценен по достоинству.

Военным представителем в Константинополе я решил назначить генерала Лукомского, большой ум и организаторские способности которого я высоко ценил, во главе дипломатического представительства поставить А. А. Нератова, дипломата старой школы, долгое время бывшего товарищем министра иностранных дел при царском правительстве, опытного, осторожного и исключительно тактичного человека, к тому же имевшего большие связи по старой службе в иностранных дипломатических кругах.

А. А. Нератов близко стоял к армии, все время руководя управлением иностранных сношений, за отсутствием начальника управления С. Д. Сазонова, постоянно проживавшего в Париже.

⁹ Гуркосы – спецназ британских колониальных войск, набирившийся из непальских добровольцев.

Парад в Харькове, 22 июня (5 июля) 1919 г.
*В центре (в профиль) Верховный главнокомандующий
Вооруженными силами Юга России Генерального штаба
генерал-лейтенант А. И. Деникин; по левую руку от него —
его заместитель, генерал-лейтенант И. П. Романовский.*

Сазонов, далеко стоявший от нашей борьбы, не был в состоянии учесть новую обстановку, приспособиться к новым условиям работы. Он не мог примириться с тем, что положение представителя великой России теперь другое, и, оберегая свое достоинство, все время уходил от дела. Его присутствие в Париже стало бесполезным, да и, по существу, место руководителя внешней политикой должно было быть в центре государственного управления.

Я решил, предложив А. А. Нератову назначение в Константинополь, просить П. Б. Струве стать во главе управления иностранных сношений.

С уходом Сазонова теряло смысл и дальнейшее существование пребывающей в Париже политической делегации, одним из членов которой являлся С. Д. Сазонов. Делегация эта под главенством бывшего председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова и при участии ряда общественных деятелей выступала по вопросам нашей внешней политики с протестами, записками и меморандумами, не имевшими, конечно, существенного значения. Я телеграфировал нашему послу в Париже, что в дальнейшем все сношения

будут вестись исключительно через него одного. Члены делегации из общественных деятелей стали с этого дня в оппозицию Главному командованию, не брезгуя ничем, чтобы вредить в иностранных кругах тому делу, которое с таким трудом приходилось вести.

29 марта я объявил положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на Юге России:

«Приказ

Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России № 2925. г. Севастополь, 29 марта 1920 года.

Объявляю положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на Юге России.

Правитель и Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему.

Непосредственно Главнокомандующему подчиняются: помощник Главнокомандующего; начальник его штаба; начальник военного управления; начальник морского управления – он же командующий флотом; государственный контролер; начальник гражданского управления, ведающий: внутренними делами, земледелием и землеустройством, юстицией и народным просвещением; начальник хозяйственного управления, ведающий: финансами, продовольствием, торговлей и промышленностью и путями сообщения; начальник управления иностранных сношений.

Все эти лица составляют при Главнокомандующем совет, имеющий характер органа совещательного.

Генерал-лейтенант барон Врангель».

Приказ этот я издал по предварительному соглашению с атаманами и председателями правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани.

Наконец Главнокомандующий в отношении подведомственных ему казачьих войск получал полную мощь и нахождению в рядах армии казачьих частей, хотя бы и разных войск, но на разных основаниях, был положен конец. Этот приказ впервые ясно и определенно поставил вопрос о диктатуре.

Глава II. Первые дни

Все вопросы по снабжению войск и населения, экспорту и импорту были объединены в руках начальника снабжения. Через два дня об этом последовал приказ.

Одновременно был издан ряд приказов по запрещению самовольных войсковых реквизиций лошадей, скота и пр., по уменьшению тягот городского населения от постоя войск, по обеспечению населения продовольствием, для чего, с целью сократить убой скота, введены были обязательные для войск и населения три постных дня в неделю. Войскам в городах запрещено было брать хлеб из частных лавок, и начальникам гарнизонов приказано было организовать повсеместное войсковое хлебопечение.

Запрещен был вывоз из пределов Крыма хлебных злаков, рыбных продуктов, всякого рода жиров и запрещено было приготовление сладких кондитерских изделий; предложено было городским самоуправлениям ввести на отпуск хлеба карточную систему с условием, чтобы на каждого едока приходилось не более одного фунта хлеба (отпуск хлеба войскам из войсковых хлебопекарен производился по прежним нормам).

Хлеб указывалось выпекать из пшеничной или ржаной муки с примесью 20 % ячменя. Такой хлеб, как показали произведенные опытные выпечки, оказался вполне удовлетворительным.

Вновь назначенный начальник снабжения взялся за дело с той исключительной энергией, которая была ему свойственна. Организовывался целый ряд мастерских, седельных, оружейных, слесарных, швальни и сапожных. Огромный Севастопольский портовый завод приспособлялся для починки орудий, пулеметов, броневых машин и аэропланов.

В Константинополь был дан ряд нарядов по закупке жиров и других необходимых предметов продовольствия, бензина, керосина, масла и угля. Первые транспорты с углем уже прибыли, и начало намеченной мною операции было назначено на 1 апреля.

Намечая целый ряд мер по приведению армии в порядок и организации тыла, я все время думал об обеспечении, на случай несчастья, возможности эвакуации, требуя присылки все новых и новых транспортов угля.

В нескольких десятках верст от Симферополя имелись залежи угля. Об этих залежах было давно известно, однако они доселе не разрабатывались, хотя пласты были поверхностные, разработка легка и уголь хорошего качества. Крым пользовался донецким углем. Я приказал срочно исследовать месторождение и произвести разведку для проведения к угольным месторождениям железнодорожной ветки от ближайшей станции Бешуй-Сюрень.

В случае необходимости для нас оставить родную землю нам трудно было рассчитывать на сочувствие других стран. Ни одна из них, вероятно, не согласилась бы дать нам приют. Исключение могли составить лишь славянские страны, и прежде всего Сербия, столь много обязанная великой России.

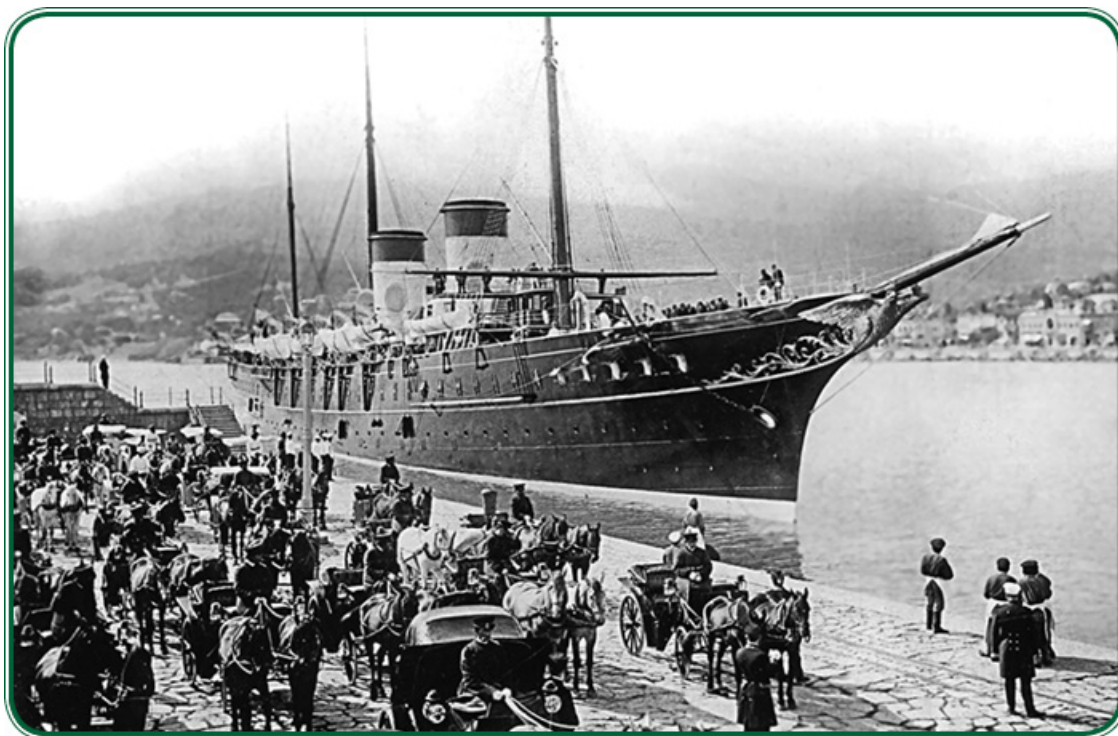
Я послал сербскому королевичу Александру письмо, прося его приюта и защиты на случай нашего несчастья. Я писал, что делаю все возможное, чтобы спасти от красного ига последний клочок Русской земли, и хочу верить, что Господь мне в этом поможет, но что я должен предвидеть худшее.

Приближались дни Светлого праздника. Как мало напоминали они такие же дни минувших годов тихой русской жизни; весна была в полном разгаре, церкви полны молящихся, но не было обычного предпраздничного радостного ожидания. Цены страшно росли, продуктов не доставало, все жили под гнетом грозного будущего. В Страстную пятницу я исповедывался, на следующий день приобщился.

После заутрени в соборе разговлялся в офицерском собрании лейб-гвардии Казачьего полка, несшего гарнизонную службу в городе. Полк этот был один из немногих, где сохра-

нился старый офицерский состав. Большинство сотенных командиров командовали сотнями еще в Германскую войну.

В первый день праздника, 29 марта, я принимал поздравления представителей иностранных миссий и высших чинов, а вечером на яхте командующего флотом «Лукулл» вышел в Ялту. Я наметил посетить ряд городов, чтобы на месте ознакомиться с нуждами населения.

Ялтинский порт.
Фотография. Начало XX в.

Мы прибыли в Ялту 30-го утром. На дебаркадере приветствовали меня целый ряд депутатов от сената, городского самоуправления, Красного Креста, прессы и т. д. Приняв депутации, я проехал в городской собор, где, прибывший со мной, епископ Вениамин отслужил молебствие, затем, в гостиницу «Россия» где в большом зале присутствовал на торжественном заседании сената, после чего принимал целый ряд лиц.

Тут же в гостинице «Россия» обществом помощи чинам Добровольческой армии был устроен завтрак. Днем я осматривал расположенные в Ялте лазареты и санатории.

На следующее утро я вернулся в Севастополь.

Встретивший меня, только что прибывший из Константинополя, генерал Шатилов сообщил неприятное известие. Накануне на городском бульваре офицер лейб-гвардии Петроградского полка капитан Манегетти, встретив нескольких матросов, сделал им какое-то замечание. Один из матросов ответил. Капитан Манегетти выхватил револьвер, выстрелил в упор и убил матроса.

Среди команд флота и в городе случай вызвал массу разговоров. Расследование уже было закончено, оно показало, что и офицер и матросы были в нетрезвом состоянии. Действия капитана Манегетти не были вызваны необходимостью самозащиты или защиты офицерского достоинства, и поведению его нельзя было найти оправдания. Я приказал на другой

же день предать капитана Манегетти военно-полевому суду, причем заседание суда назначить гласным.

Зал был переполнен публикой, среди которой было много людей флотских команд. Капитан Манегетти был приговорен к смертной казни, причем суд постановил во внимание к прежним его боевым заслугам ходатайствовать передо мной о смягчении наказания. Я заменил смертную казнь разжалованием в рядовые. Инцидент не имел дальнейших последствий. Через несколько месяцев капитан Манегетти доблестно погиб в бою.

31 марта мною был подписан приказ о введении во всех частях гарнизонов судов чести для штаб- и обер-офицеров, причем права судов в отношении наложения наказаний были значительно расширены вплоть до разжалования в рядовые.

Генерал Шатилов имел в Константинополе несколько свиданий с Английским верховным комиссаром. Последний не скрывал своего убеждения в бесполезности переговоров Великобританского правительства с большевиками.

Генерал Лукомский принял уже ряд мер по обеспечению Крыма необходимым, и прежде всего углем, на чем я особенно в своих письмах к нему настаивал.

В Севастополе я пробыл всего день и проехал в Симферополь, где смотрел части 1-го корпуса, несущие в городе гарнизонную службу, присутствовал на молебствии в соборе, принимал ряд должностных лиц и осмотрел несколько лечебных заведений.

По приезде на вокзал я был встречен почетным караулом от Добровольческого корпуса и был очень поражен увидеть выстроенный у моего вагона караул юнкеров Константиновского училища, входившего в состав частей, подчиненных генералу Слащеву. На правом фланге стоял сам генерал Слащев; последний доложил мне, что, узнав о предстоящем прибытии моем в Симферополь и «не доверяя добровольцам», прибыл с юнкерами для моей охраны.

Я весьма сухо заметил ему, что одинаково доверяю всем частям армии и ни в какой особой охране не нуждаюсь, и, поздоровавшись с юнкерами, прекратил дальнейшие разговоры и прошел к почетному караулу 1-го корпуса, а затем на площадь, где были выстроены войска. Генерал Слащев был, видимо, весьма смущен.

Генерал П. Н. Врангель с медперсоналом лазарета.
Фотография. 1920 г.

31 марта в районе Перекопа разыгрался упорный встречный бой. Со стороны противника действовала 1-я Латышская дивизия с конницей, 2-й Донской дивизией генерала Морозова, поддержанной нашей пехотой, аэропланами, боевиками и танками, противник был разбит.

Перекопский вал и ближайшие подступы остались в наших руках, 1 апреля красные, подтянувши только что прибывшую 3-ю стрелковую дивизию и сосредоточивши до трех тысяч конницы, пытались снова наступать, но, встреченные нашей контратакой, были отбиты.

В этот день наш правый десант – Алексеевская бригада, имевший целью отвлечь резервы красных, благополучно высадился у деревни Кирилловки, в сорока верстах северо-восточнее Геническа и занял село Ефремовку. Однако при дальнейшем продвижении на соединение со своими частями в районе Геническа алексеевцы были атакованы красными и, не проявив должной стойкости, стали отходить, причем понесли значительные потери.

2 апреля наши части овладели южными предместьями Геническа. Одновременно в районе Хорлов была произведена высадка нашего левого десанта – полков Дроздовской дивизии.

Высадка производилась при чрезвычайно трудных условиях: красные занимали Хорлы двумя полками с большим количеством пулеметов и четырьмя орудиями, хорошо пристрелянными по единственному ведущему в порт каналу. Славные дроздовцы, с помощью моряков, преодолели все препятствия.

3 апреля части правого десанта продолжали продвижение на Новоалексеевку. Одновременно правифланговые части Крымского корпуса, под начальством храброго генерала Ангуладзе, атаковали и овладели станцией Сиваш. Испорченный противником Сивашский мост был быстро исправлен, и наши части, продолжая наступление, при поддержке бронепоездов, после блестящей атаки юнкеров-константиновцев, заняли укрепленную противником станцию Чонгар.

В Перекопском районе весь день 3-го апреля шел сильный бой. Все атаки противника были отбиты нашими частями, усиленными прибывшими марковцами. В этот день дроздовцы, продолжая наступление, овладели селом Адаманом, где захватили четыре орудия в полной запряжке. Дроздовская дивизия дралась блестяще, имея противника со всех сторон и испытывая недостаток в снарядах.

3-го вечером я выехал на фронт и рано утром со станции Таганаш в автомобиле с генералом Слащевым проехал к нашим частям, ведущим наступление на станцию Джимбулук. Со мной прибыл пожелавший сопровождать меня епископ Вениамин. Наши части при поддержке огня бронепоезда вели наступление. Противник отходил. Его артиллерия обстреливала наши цепи.

Стрелки залегли на гладкой солончаковой равнине. Неприятельские снаряды взбивали фонтаны черной жидкой грязи. Выйдя из автомобиля, я пошел вдоль цепи, здороваясь с людьми, благодаря их за славное вчерашнее дело. Епископ Вениамин с крестом в руке благословлял людей. Начальник дивизии генерал Ангуладзе лично поднял цепь и повел стрелков.

Вскоре укрепленная красными станция Джимбулук была взята нами. Противник с Чонгарского полуострова беспорядочно отходил на север. Получено было от командира Алексеевской бригады полковника Гравицкого донесение, что им занят Геническ.

Противник отходил, преследуемый нашими частями. Обойдя стоящие в резерве войска, я вернулся на станцию Джанкой и оттуда на автомобиле проехал к Перекопу. На следующий день утром части генерала Ангуладзе заняли станцию Сальково.

Между тем дроздовцы, продолжая наступление и отбивая атаки конницы противника, прорвали фронт красных южнее Преображенки и присоединились к нашим частям у Перекопа, вынеся с собой всех своих раненых и захваченные трофеи. Во время боя под начальником Дроздовской дивизии генералом Витковским было ранено две лошади. За бои последних дней нами было захвачено шесть орудий и шестьдесят пулеметов.

Поставленная мною войскам задача была выполнена, но главное значение боя было моральное. Последние бои показали, что непобедимый дух в армии еще жив. А раз жив дух, то не все еще потеряно.

Я послал генералу Шатилову телеграмму, приказав широко оповестить о нашей победе население.

В Севастополе были получены сведения о возобновлении военных действий на Польском фронте. Польские войска перешли в наступление и по всему фронту теснили красных. Наше тяжелое военное положение несколько облегчалось. Мы могли рассчитывать, что противник, отвлеченный всецело поляками, даст нам временную передышку. Эту передышку мы должны были всемерно использовать.

Войскам было приказано немедленно приступить к укреплению занятых ими позиций. Одновременно приказано было начать подготовку укрепленных тыловых позиций в районе села Юшунь и станции Таганаш. Приказано было спешно строить железнодорожную ветку от станции Джанкой на село Юшунь. Постройка этой ветки была намечена генералом Слащевым еще до прибытия моего в Крым, однако работы пока мало подвинулись.

Необходимые для укрепления позиций материалы частью находились на месте, частью должны были быть подвезены из Феодосии и Севастополя. Руководство работами по укреплению выходов из Крыма и проведению ветки Джанкой – Юшунь были возложены на генерала Юзефовича.

Возвращаясь в Севастополь, я на несколько часов остановился в Симферополе, где принял в вагоне ряд лиц, в том числе прибывшего из Евпатории редактора газеты «Евпаторийский вестник» Ратимова, добивавшегося иметь со мной личный разговор. Ратимов ходатайствовал о поддержании издаваемого им органа, весьма сочувственного армии направлению.

Положение газеты в Евпатории было весьма трудное, ибо поддержки со стороны расположенного там штаба Донского корпуса газета не встречала. При штабе корпуса издавалась газета «Донской вестник», и в «Евпаторийском вестнике» штаб видел конкурента и противника, ибо самое направление донского органа было определено враждебно Главному командованию.

В подтверждение своих слов, Ратимов передал мне целый ряд номеров «Донского вестника». Просмотрев их, я просто оторопел. Орган издавался при ближайшем участии командира корпуса и начальника штаба, что было мне хорошо известно. Редактором состоял начальник политической части сотник граф дю Шайль. О нем я уже ранее имел сведения самого неблагоприятного характера, он принимал деятельное участие во враждебной Главному командованию политике донцов.

Оппозиция донского командования не была для меня новой, однако то, что я увидел, превосходило все мои ожидания.

В ряде статей официального органа разжигалась самым недопустимым образом вражда казаков против добровольцев, восстанавливалось казачество против «генералов и сановников», проводилась мысль об отделении всего казачества от России. Я не знал, чему более удивляться, подлости ли изменнической работы лиц, стоявших во главе донцов, или наглости их открытой, ничем не прикрашиваемой работы. Я предложил господину Ратимову проехать со мной в Севастополь.

Прибыв туда, я немедленно послал за донским атаманом генералом Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера «Донского вестника», и предложил лично переговорить с Ратимовым. Оставив генерала Богаевского и Ратимова вдвоем, я прошел к себе в кабинет и тут же набросал приказ, в котором писал: «По соглашению с донским атаманом приказываю генерал-лейтенанту Сидорину сдать должность генерал-лейтенанту Абрамову.

Отрешаю от должности начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Кельчевского и генерал-квартирмейстера генерал-майора Кислова. Начальника политического отдела и редактора газеты сотника графа дю Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следовательно по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду.

Газету закрыть».

Закончив приказ, я вышел к генералу Богаевскому. Последний у окна просматривал донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ:

– Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии.

– Да, конечно... – видимо, с громадным трудом, едва слышно, ответил атаман.

Я тут же подписал приказ и передал его адъютанту для исполнения.

Проведенное следствие обнаружило полную виновность генералов Сидорина и Кельчевского. Сотник граф дю Шайль являлся второстепенным исполнителем. В момент ареста он попытался покончить жизнь самоубийством и тяжело себя ранил. Генерал Сидорин пробовал привлечь на свою сторону офицеров корпуса, однако успеха не имел.

Солдаты Добровольческой армии
у танка «Генерал Дроздовский».
Фотография. 1919 г.

Ознакомившись с результатами следствия, я предал генералов Сидорина и Кельчевского и сотника графа дю Шайля военно-полевому суду. Суд под председательством генерала Драгомирова приговорил обоих генералов к каторжным работам, каковое наказание я заменил им, во внимание к прежним боевым заслугам Донской армии, исключением со службы, с лишением мундира.

Сотник граф дю Шайль, тяжело раненный, лежал в госпитале и дело о нем было выделено; оно рассматривалось много позднее. Ввиду того что граф дю Шайль был не более как мелкий проходимец, простой исполнитель и что я нашел возможным смягчить участь главных виновников, суд сотника графа дю Шайля оправдал. Последний выехал за границу и после оставления нами родной земли продолжал враждебную армии политику.

Одним решительным ударом был положен предел оппозиционной работе донского командования. Проискам и интригам недовольных генералов наступил конец. Одновременно с генералами Сидориным и Кельчевским выехали за границу генералы Покровский, Боровский, Пестовский. Интриги прекратились.

Один лишь генерал Слащев не мог успокоиться. Убедившись, что я в разговорах с ним тщательно избегаю касаться всего того, что не имеет отношения к вопросам, связанным с его командованием, он стал засыпать меня своими сумбурными рапортами. Рапорты эти столь характерны, что я не могу не привести одного из них:

«5 апреля 1920 года. Секретно в собственные руки. Главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России. № 021.

РАПОРТ

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего Главнокомандующего и войска не вполне уясняют себе сложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и условий новой работы. Замечается перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о ломке всего того, что, может быть, и худо, но способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Все это сказалось:

1. Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги либо болтается из стороны в сторону.

2. Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому – нежелание некоторых лиц, делающих вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высылают орудий и автомобилей.)

Интриги на маленькой территории Крыма невероятно растут. Борьба идет с коренными защитниками фронта, до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в Вашем штабе остались лица “корейского” направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяется карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1. Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на Военном совете (уход генерала Деникина), во всеуслышание, в присутствии командиров полков, что если генерал Деникин уйдет, то они служить не смогут, и провозгласили ему “ура”. Это заявление и “ура” на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что считал своим долгом встать и спросить: “Чему мы служим – Родине или лицам?”

Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова от своего поезда. (Войск и пулеметов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2. Генерал Махров и полковник Коновалов портят все дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственные должности “лиц” подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграмму о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой – на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов.

Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданные мною приказания (комиссия осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых, до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых – отменил доктор Артемьев.)

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим превосходительством:

1. Пресечь попытки разных лиц и партий провести у меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен.

2. Поддержать старую печать (по Вашему указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3. Объявить себя диктатором (неограниченным правителем) без флера, а ясно для всех (для народа).

4. Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим – хлеб за труд.

5. Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева, хотя бы на должности, где интриги их будут бессильны.

6. Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

IV. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке (ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести).

Слово свое сдержал.

Честь свою я сохранил и тогда, когда уходил генерал Деникин.

Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из армии в тяжелый момент не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужным, хотя бы рядовым – я сделаю все, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но ходатайствую, если найдете нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащев».

В Севастополе я пробыл всего один день и 7-го апреля вновь выехал в Симферополь, где посетил университет и присутствовал на совете университета.

Генерал Кутепов железной рукой приводил свои войска в порядок, беспощадно предавая военно-полевому суду и подвергая смертной казни грабителей и дезертиров. Местные либерально-общественные круги во главе с симферопольским городским головой Усовым стали генералу Кутепову в оппозицию, предъявляя от имени общественности протесты против смертной казни и т. д.

Таганрогский отряд полковника А. П. Кутепова.
Фотография. 1919 г.

*Эта пехотная рота Добровольческой армии,
созданная для обороны Таганрога, была полностью
укомплектована гвардейскими офицерами*

Я предложил городскому голове на другой день прибыть в Севастополь. Сообщая о его выезде, либеральная пресса намекала, что, в связи с вызовом симферопольского городского головы к Главнокомандующему, ожидается ряд перемен в высшем командовании, что Главным командованием, вероятно, приняты будут меры против самовольных действий некоторых высших чинов и т. п.

Городской голова вошел в мой кабинет с видом победителя. Но, видя, что я не подаю ему руки и не прошу сесть, заметно смутился.

— Я знаю о неладах ваших с генералом Кутеповым, являющимся исполнителем моих приказаний, — сказал я. — Я не хочу разбирать вопроса, кто прав. Я ли, дающий эти приказания, или вы. На мне лежит ответственность перед армией и населением, и я действую так, как мой ум и моя совесть мне повелевают.

Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе, однако судьба во главе русского дела поставила не вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Для выполнения этого долга я не остановлюсь ни перед чем и без колебания устраню всякое лицо, которое мне в выполнении этого долга будет мешать.

Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы.

Господин Усов вышел из кабинета, как в воду опущенный. Через день газеты сообщали, что «вернувшийся из Севастополя симферопольский городской голова отказался

сообщить подробности своего разговора с Главкомандующим». Еще через несколько дней те же газеты сообщили, что господин Усов тяжело заболел и подал в отставку.

В Севастополь вновь прибыли с Кавказского побережья генерал Улагай и командир Донского корпуса генерал Стариков. Попытки генерала Улагая перейти в наступление оказались тщетными. Казаки совсем не хотели драться. Среди кубанского правительства, рады и высшего командования кубанцев и донцов происходили нелады.

Генералы Улагай и Стариков настаивали на перевозке кубанцев и донцов в Крым, однако кубанский атаман генерал Букретов не соглашался.

Я собрал совещание из атаманов Донского, Кубанского и Терского войск, генералов Улагая и Старикова, генерала Шатилова, генерала Махрова и командующего флотом. Генералы Улагай и Стариков повторили свои доклады. Атаманы донской и терский их поддержали, генерал Букретов вновь заявил, что считает перевозку кубанцев в Крым нежелательной, что, как кубанский атаман, он считает необходимым предварительно опросить всех казаков об их желании.

На мое возражение, что я не могу допустить обсуждений казаками приказаний начальников, генерал Букретов ответил:

– А я как атаман не могу допустить, чтобы казаков перевезли в Крым, где они будут пасынками, как были всегда в Добровольческой армии. В этом я не вижу надобности. Неправда, что казаки не желают драться. Не желают драться лишь их старшие начальники – генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабиев и другие.

– Раз так, то пускай сам генерал Букретов командует армией, – вспылил генерал Улагай. Я остановил его и обратился к Букретову:

– Вы упрекаете старших начальников в нежелании драться. Зная всех их, я, конечно, этому верить не могу; однако из ваших слов мне ясно, что, при подобном отношении атамана, правительства и рады к высшему командному составу, последний не может иметь среди казаков должного авторитета. Вы уверяете, что казаки готовы драться с другими начальниками. Отлично, вступайте в командование Кубанской армией сами и бейте большевиков.

– Нет, командовать армией я не согласен.

– В таком случае, нам разговаривать не о чем. Ответственность взять на себя вы не хотите, а агитацию безответственных лиц среди казаков против их командующего армией я допустить не могу. Можете идти, но из Крыма вы не выедете. – Я обратился к генералу Герасимову: – Поручаю вам принять меры, чтобы ни одно из отходящих из Крыма судов не приняло на свой борт генерала Букретова.

Генерал Букретов вышел. Все присутствующие казались весьма смущенными. Генерал Богаевский и генерал Вдовенко стали убеждать меня изменить мое решение.

– Атаман лицо неприкосновенное, – говорил генерал Богаевский, – Вы только что отдали с согласия атаманов приказ, где подтвердили права казачества на внутреннее самоуправление; задержание генерала Букретова произведет тяжелое впечатление на всех казаков...

Генерал Шатилов стал также убеждать меня. Я твердо стоял на своем:

– Я не могу допустить, чтобы генерал Букретов вернулся к армии и там продолжал агитацию. Я ни одну минуту не верю ему, что казаки готовы драться, но пусть он сам несет ответственность за все, что произойдет...

Наконец генерал Шатилов предложил поехать к генералу Букретову и лично переговорить с ним. Через полчаса генерал Шатилов вернулся и сообщил, что генерал Букретов готов согласиться на командование армией. Я вновь просил генерала Шатилова проехать к кубанскому атаману и передать ему, что я сожалею о происшедшем недоразумении и прошу его вернуться на совещание. Генерал Букретов прибыл.

– Я рад узнать, что вы изменили свое решение и готовы принять на себя тяжелую ответственность. Забудем все бывшие недоразумения, – сказал я, протягивая ему руку.

Тут же подписал я приказ о назначении генерала Букретова командующим Кубанской армией и зачислении в мое распоряжение генералов Улагая, Шкуро, Науменко и Бабиева.

Дабы подчеркнуть еще раз единение Главнокомандующего с атаманами, я просил генерала Богаевского согласиться принять на себя звание командующего Донской армией. Фактически таковой не существовало, ибо войска, находящиеся уже в Крыму, были сведены в корпус, а части генерала Старикова по составу не превосходили дивизии и, в случае переброски в Крым, должны были войти в состав Донского корпуса.

Принятие генералом Богаевским должности командующего Донской армией имело значение лишь принципиальное.

9 апреля состоялось под моим председательством первое заседание совета начальников управлений при мне. Открывая заседание, я ознакомил совет с нашим общим политическим и военным положением и, указав на то, что мною принимаются все меры для боеспособности армии, подчеркнул, что эта боеспособность зависит в большой степени от того, как организован тыл.

В первую очередь я обратил внимание на необходимость принятия ряда мер по улучшению хозяйственного положения – удешевления предметов первой необходимости, увеличения запасов муки в городах и пр. В Крыму имелись запасы сырья, готовой соли, большое количество железного лома, имелись залежи серы, туфов и, в районе станции Бешуй, угля.

Необходимо было принять меры для возможности их разработки и использования. Затем мною было обращено внимание на необходимость сокращения непомерных штатов всевозможных управлений и учреждений, на несоответствие окладов служащих в различных ведомствах, на необходимость разработать вопрос о нормировке рабочих ставок и хотя бы частичной натурализации оплаты труда.

Наконец, мною было обращено внимание на то, что городские и земские самоуправления расходуют получаемые ими многомиллионные авансы не по прямому их назначению, а на повышение окладов служащих и т. п.

Генерал Вильчевский доложил, что, при условии расходования не более фунта хлеба в сутки на человека, он надеется, что муки хватит в Крыму до нового урожая. Им уже был принят ряд мер для устранения продовольственного кризиса и для обеспечения населения недостающими продуктами путем подвоза.

Так, выписано было несколько миллионов порций солонины и мясных консервов из Болгарии, приобретены были жиры в Константинополе и т. д. В ближайшие дни должны были начаться изыскания Бешуйских угольных месторождений.

Совет наметил образование особой комиссии под председательством моего помощника генерала Шатилова для пересмотра штатов всех учреждений с целью возможного сокращения их и для установления единообразных окладов содержания во всех ведомствах, соответственно классам занимаемых должностей.

Другая комиссия была образована под председательством генерала Вильчевского для разработки вопроса о нормировке рабочих ставок и возможном переходе, хотя бы к частичной, натурализации оплаты труда и с целью наметить другие пути к облегчению рабочим борьбы за существование: устройство кооперативов, швален, развитие существующих уже потребительских лавок под названием «Армия – населению».

В конце заседания и. о. начальника управления финансов Б. В. Матусевич сделал доклад о причинах падения русского рубля. Намечено было образовать под председательством начальника управления финансов особую комиссию, коей поручить наметить ряд мер по улучшению налоговой системы и по увеличению доходов казны.

Я все более убеждался, что те лица, которые до сего времени стояли во главе различных отраслей государственного управления на Юге России, не были в состоянии справиться с той огромной задачей, которую судьба ставила им. Вся гражданская и экономическая жизнь в стране была разрушена, все приходилось создавать сызнова, не просто восстанавливать, а именно создавать, в полной мере учитывая все новые политические и экономические условия.

С такой задачей могли справиться лишь люди, обладавшие широким запасом знаний и государственного опыта и необыкновенной политической гибкостью. Последние два условия, конечно, трудно было совместить в одном лице. Наиболее испытанные государственные деятели приобрели необходимый опыт и знание дела, проведя всю службу в прочно сложившихся бюрократических условиях старой России.

Они никак не могли от этих условий отрешиться, не могли плодотворно работать при отсутствии прочно и правильно налаженного административного аппарата в условиях военно-походной жизни междоусобной войны; в работу свою они неизбежно переносили все отрицательные черты нашей старой бюрократии, не умели близко подойти к населению, вводили в живое дело неизбежный канцеляризм, служебную волокиту, условные, потерявшие свое значение формы.

Необходимая в эпоху революционных потрясений, свободная в формах, творческая работа была им не под силу. Те круги нашей либеральной общественности, среди которой черпал своих сотрудников генерал Деникин, были для работы еще менее подходящими.

Люди в большинстве случаев слов, а не дела, принадлежащие главным образом к тому классу русской интеллигенции, которой даже и в политической борьбе был чужд действенный порыв, они были неспособны к творческой работе, не обладая в то же время ни необходимыми знаниями, ни достаточным опытом.

Я ясно понимал, что в настоящих, исключительно тяжелых условиях с огромной, предстоящей в Крыму работой может справиться лишь государственный деятель, обладающий исключительными данными. Единственным лицом, которому эта работа могла бы быть под силу, был, по моему убеждению, А. В. Кривошеин.

Я знал его лично давно, его государственная деятельность в течение многих лет была известна всей России. Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности, он изучил за свою продолжительную службу самые разнообразные отрасли государственного управления.

Служил и в земском отделе министерства внутренних дел, где близко ознакомился с крестьянским вопросом, в государственном земельном банке, состоял начальником переселенческого управления, товарищем министра финансов; в бытность последним широко развил деятельность крестьянского банка и направил ее к повсеместному созданию мелкой крестьянской собственности.

В течение десяти лет был министром земледелия, ближайшим сотрудником П. А. Столыпина, проводя в жизнь земельную реформу последнего. Достижением высоких служебных положений он обязан был одному себе, своим личным качествам, причем, имея исключительное значение в высших правительственных кругах, он в равной мере, пользовался исключительным авторитетом и в кругах общественных.

Выдающийся администратор, он всегда удачно выбирал своих сотрудников, целый ряд которых впоследствии, пройдя его школу, выдвинулись на разнообразных поприщах государственной службы.

Человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора, с вполне определенными ясными взглядами, он умел быть терпимым, обладал редкой способностью уметь стать на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть.

Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным людям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был принять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона.

Я понимал, какую огромную жертву принес бы Александр Васильевич, если бы согласился разделить со мной мой тяжкий крест, но, зная его, не терял надежды, что он согласится, что, горячий патриот и человек долга, он принесет эту жертву во имя Родины.

9 апреля Н. М. Котляревский выехал в Париж к А. В. Кривошеину с моим письмом.

Первые шаги новой власти, решительные меры по восстановлению порядка в тылу и недавняя победа на фронте внесли в население некоторое успокоение, однако лицо новой власти продолжало быть закрытым. Враждебная нам пропаганда делала свое дело. В многочисленных разговорах моих с представителями военной и гражданской власти и с общественными деятелями я неизменно убеждался, что от новой власти ожидают разъяснения наиболее больных вопросов.

Вопросы эти всегда были те же: земельный, отношение к казачеству и государственным новообразованиям, отношение к государствам Западной Европы. Весьма дружелюбно расположенные к нам начальник Американской миссии адмирал Мак-Колли и французской – генерал Манжен также указывали мне на необходимость, в противовес тенденциозному освещению намерений нового командования в иностранных кругах, широко ознакомить с моими взглядами общественное мнение.

Идя навстречу общим пожеланиям, я пригласил представителей печати и ознакомил их со своим взглядом на предстоящие нам задачи:

«После тяжелых шестидневных боев мы овладели плацдармами Крыма и прочно их за собой обеспечили.

Армия, после пережитых испытаний, спешно приводится в порядок, переформируется. В самом ближайшем будущем я проведу целый ряд мер организационного характера, которые должны устранить часть недочетов, значительно затруднявших управление армией.

Проведены уже отчасти в жизнь целый ряд мер для повышения нравственного уровня в войсках. В частях введены суды чести для офицеров, коим предоставлены широкие права до разжалования штаб-офицеров включительно.

Наравне с заботами об армии, будет проведен ряд мер к разрешению наиболее назревших вопросов государственной жизни.

Трехлетняя анархия, неоднократная смена власти, из которых каждая провозглашала программы, имеющие целью увлечь за собой симпатии населения заманчивыми обещаниями, исполнить каковые физически не могла никакая власть, – настолько усложнили целый ряд отраслей промышленно-экономической жизни, что разрешить это сразу нет никакой возможности.

Правительство Юга России.
Крым, Севастополь. 1920 г.

Сидят (слева направо): начальник штаба генерал-майор П. Н. Шатилов; Астраханский атаман Н. В. Ляхов; Терский атаман генерал-лейтенант Г. А. Вдовенко; Донской атаман генерал-лейтенант А. П. Богаевский; Главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель; заместитель Кубанского атамана инженер В. Н. Иванис; помощник Главнокомандующего, глава Правительства А. В. Кривошеин; и. о. Председателя Донского правительства Корженевский.

Стоят (*слева направо*): временно исполняющий делами управляющего делами совета при Главнокомандующем А. Г. Сергеевко-Богокутский; начальник политической канцелярии Управления иностранных сношений Б. А. Татищев; временно исполняющий делами начальника Управления иностранных сношений князь Г. Н. Трубецкой; председатель Астраханского правительства Санджи-Баянов; заместитель начальника Морского управления контр-адмирал С. В. Евдокимов; временно исполняющий делами начальника Военного управления генерал-майор В. П. Никольский; исполняющий делами начальника Управления финансов Б. В. Матусевич; начальник Управления юстиции сенатор Н. Н. Таганцев; исполняющий делами начальника Гражданского управления С. Д. Тверской; начальник управления торговли и промышленности В. С. Налбандов; государственный контролер Н. В. Савич; заместитель председателя Кубанского правительства генерал-майор И. А. Захаров; председатель Терского правительства Е. Н. Букановский; начальник Управления земледелия и землеустройства сенатор Г. В. Глинка; начальник Управления снабжений генерал-лейтенант П. Э. Вильчевский.

Примером может служить хотя бы земельный вопрос.

Я стремлюсь к тому, чтобы разрешить наиболее назревшие вопросы, не превышая пределы фактической возможности.

Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире, – вот основные задачи власти.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России, крупное землевладение отжило свой век.

Улучшение материального благосостояния рабочих и удовлетворение их профессиональных нужд является одной из моих главнейших забот.

Теперь о причинах наших бывших неудач.

Причины эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась.

Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной и проводить одну политику, “русскую” вне всяких партий, проводилась политика “добровольческая”, какая-то частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать “добровольцев”, врагов России.

Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией и Азербайджаном, и лишь немногого не хватало, чтобы начать драться с казаками, которые составляли половину нашей армии и кровью своей на полях сражений спаяли связь с регулярными частями. В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований.

Я вижу к воссозданию России совершенно иной путь. Несколько дней тому назад мною заключено соглашение с представителями всех казачьих войск, коим между мною и казаками установлены определенные взаимоотношения. Казачьи области остаются в своем внутреннем самоуправлении самостоятельными, их же вооруженные силы полностью подчиняются мне.

В областях не казачьих я объединил всю полноту гражданской и военной власти без всяких ограничений, причем при разрешении вопросов внутренней жизни я намерен широко обращаться к помощи общественных сил.

Мы в осажденной крепости, и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе.

Когда опасный для всех призрак большевизма исчезнет, тогда народная мудрость найдет ту политическую равнодействующую, которая удовлетворит все круги населения. Пока же борьба не закончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу; значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда.

На такой же точке зрения я стою в отношении к вопросу о так называемой ориентации. «С кем хочешь, – но за Россию» – вот мой лозунг.

В частности, касаясь германской ориентации, о которой так много пишут и говорят за последнее время, я не могу придавать ей серьезного значения. Германия, истощенная войной и занятая внутренними делами, едва ли может оказать реальную помощь другим странам.

Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке Русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

11 апреля мною был отдан приказ об образовании под председательством сенатора Глинки, одного из ближайших сотрудников А. В. Кривошеина, бывшего начальника переселенческого управления, комиссии по разработке земельного вопроса. В основу работы комиссии должны были быть положены следующие руководящие начала:

1. Вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована.
2. Землею должно владеть на правах прочно установленной частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд.
3. Посредником для расчетов между крупным и мелким землевладением должно быть государство.

Я понимал, что в бесконечно разнообразных этнографических и экономических условиях необъятных пространств России среди общего развала и смуты, разрушивших все хозяйство страны и нарушивших все правовые взаимоотношения, разрешить удовлетворительно земельный вопрос в полном объеме невозможно, что любое решение вызовет недовольство многих, что, несомненно, в будущем жизнь внесет свои неизбежные коррективы.

Но настоящие условия этой жизни не позволяли дальше ждать, требовалось разрубить этот гордиев узел. Разрешение этого вопроса имело исключительное психологическое значение. Оно должно было выбить из рук наших врагов главное орудие политической борьбы,

ударить по воображению населения и армии, произвести соответствующее впечатление в иностранных кругах.

С первых дней приезда моего в Крым я обратил внимание на необходимость установления начал нормального правопорядка, столь пошатнувшегося за годы гражданской войны.

Одной из главнейших причин развала армий генерала Деникина было отсутствие в них твердого правового уклада и чувства законности. Войска развратились, военно-судебное ведомство, во главе с главным военным и морским прокурором, было бессильно. Приказом Главнокомандующего право на возбуждение уголовного преследования предоставлено было непосредственным начальникам виновных.

В существовавшие корпусные суды, в состав которых входили опытные юристы, дел почти не поступало, почти все дела рассматривались военно-полевыми судами, находившимися фактически в полном подчинении войсковым начальникам.

Военно-полевые суды стали постоянно действующим аппаратом судебной власти и, состоя из лиц в большинстве случаев незнакомых с самыми элементарными юридическими познаниями, сплошь и рядом совершали грубые непоправимые ошибки, в корне нарушая основные понятия законности и правопорядка. Престиж суда оказался подорванным.

Моим приказом от 6 апреля предание суду должно было производиться не по усмотрению войскового начальства, а путем непосредственного внесения прокурорским надзором обвинительного акта в суд с сообщением о том начальству обвиняемого для отдания в приказ.

Наряду с другими мерами для решительного искоренения грабежей и разбоев, приказом моим от 14 апреля образованы были особые военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов, комендантах крепостей, а впоследствии при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад. Комиссии в составе председателя и пяти членов назначались по возможности из лиц с высшим юридическим образованием, а делопроизводитель – обязательно с таковым.

Комиссии подчинены были непосредственно главному прокурору. Их рассмотрению подлежали дела об убийствах, грабежах, разбоях, кражах, самочинных и незаконных реквизициях, а равно о всяких других незаконных действиях, клонящихся к стеснению местных жителей и совершаемых военнослужащими. Пределы власти каждой комиссии распространялись на территории соответствующего уезда или на чинов данного войскового соединения.

Несколько позднее, в интересах более полного обеспечения мирного населения, в состав комиссии были включены по два представителя крестьян от волости с правом совещательного голоса и присутствия при производстве комиссией расследования, причем производящий расследование обязан был отмечать в соответствующих протоколах и актах о пожеланиях представителей волости и удовлетворять их, если они не противоречили закону и могли быть выполнены без ущерба для дела.

Расследование дела производилось одним из членов комиссии на правах военного следователя, но без тех формальностей, кои установлены в законе при производстве предварительного следствия. Конечно, при такой конструкции допускалось некоторое смешение следственных и чисто судебных функций, но в условиях работы комиссий, которые должны были обладать всей полнотой власти и независимостью и в то же время действовать скоро и решительно, этот недостаток был неизбежен.

Однако член комиссии, производящий расследование, не мог участвовать в постановлении по данному делу приговора по существу. При рассмотрении дел военно-судные комиссии должны были руководствоваться правилами о военно-полевых судах. Приговоры утверждались соответствующими военными начальниками. В случае несогласия последних с приговором, дело передавалось в корпусный или военно-окружной суд.

П. Н. Врангель инспектирует Пятый авиаотряд.
Фотография. 1920 г.

Военно-судные комиссии за все время нашей борьбы в Крыму оказали правительству огромную помощь в борьбе со всевозможными злоупотреблениями, разъедавшими армию. Грабежи войск прекратились почти совершенно. Об этом свидетельствовали ряд беспристрастных очевидцев, целый ряд приговоров сельских сходов, обращавшихся ко мне с благодарностью за учреждение комиссий, избавивших население от грабежей и разбоев, красноречивее всяких слов свидетельствовавшие об их значении.

Даже та часть крымской прессы, которая первоначально высказывалась против военно-судных комиссий, вынуждена была впоследствии признать их полезное значение.

Рядом приказов были изъяты из ведения военно-полевых судов дела о несовершеннолетних от десяти— до семнадцатилетнего возраста и исполнение приговоров над присужденными к смертной казни предписывалось не производить публично. При общем огрубении нравов публичное приведение приговоров в исполнение мало устрашало, вызывая лишь еще большее нравственное отупение.

Наше политическое положение продолжало оставаться неопределенным. 6/19 апреля адмирал Сеймур вручил мне следующую ноту:

«Великобританское адмиралтейство уведомляет, что лорд Керзон послал господину Чичерину в субботу, 17 апреля, телеграмму, в коей он сообщает, что хотя Вооруженные силы на Юге России и были разбиты, но нельзя допустить, чтобы они были обречены на полную гибель, и, если бы не последовало немедленного ответа Чичерина, что он согласен на принятие посредничества лорда Керзона и прекращение дальнейшего наступления на юге, Британское правительство было бы вынуждено направить корабли для всех необходимых действий, чтобы охранить армию в Крыму и предупредить вторжение советских сил в ту область, в которой находятся Вооруженные силы Юга России».

10/23 апреля начальник Французской миссии генерал Манжен писал Струве:

«Как следствие нашей сегодняшней беседы, я имею честь препроводить при сем выдержку телеграммы морского министра Французской Республики, с содержанием коей я ознакомил генерала барона Врангеля:

“Французское Правительство будет согласовывать свои действия с правительством Великобритании, дабы поддержать генерала Врангеля, предоставляя ему всю необходимую материальную поддержку, пока он не получит от Советов условий перемирия, обеспечивающих его армии соответствующее положение”».

11 (24) апреля прибывший из Крыма в Константинополь Нератов телеграфировал, что «согласно большевистскому радио Керзон передал в Москву требование об установлении перемирия с Добровольческой армией, угрожая, в случае продолжения военных действий, вмешательством английского флота. Чичерин изъявил согласие немедленно приступить к переговорам о мире».

Однако через пять дней, 16 (29) апреля, начальник английской миссии генерал Перси вручил мне нижеследующую ноту:

«Главнокомандующий Великобританской армией на Черном море генерал Мильн поручил мне передать Вам нижеследующее сообщение, адресованное лордом Керзоном Верховному комиссару Великобритании адмиралу де Робеку.

“Ответ, который мы получили от Чичерина на наше предложение установить условия для армии генерала Врангеля в Крыму, не был до сих пор удовлетворительным. Вместо того чтобы выдвинуть условия Советов, как мы его об этом спрашивали, Чичерин стремится добиться других политических уступок, которые мы не можем ему предоставить.

Таким образом, мы бессильны в настоящий момент исполнить просьбу генерала Врангеля. В случае, ежели бы, как это представляется всего вероятнее в настоящее время, мы не могли достигнуть для него необходимых условий, единственный выход заключался бы в том, чтобы он сам их осуществил. Продолжение войны генералом Врангелем имело бы роковой исход и не могло бы быть поддержано нами никакой материальной помощью”».

Тем временем переговоры поляков с большевиками были прерваны, польские войска перешли в наступление и теснили красных по всему фронту. Последние спешно сосредотачивали на Западном фронте все свои силы. Падение Крыма развязало бы красному командованию руки, давая возможность сосредоточить все усилия против поляков.

Это, конечно, учитывала Франция, неизменно поддерживавшая Польшу. Французское правительство не могло сочувствовать политике англичан. По моему поручению, Струве телеграфировал нашему послу в Париже В. А. Маклакову просьбу выяснить взгляды Французского правительства.

18 апреля (1 мая) Маклаков телеграфировал:

«Французское правительство относится отрицательно к соглашению с большевиками. Никакого давления для сдачи Крыма не окажет. Не будет участвовать ни в какой подобной медиации, если бы другие ее предприняли. Сочувствует мысли удержаться в Крыму и Таврической губернии.

Считая большевизм главным врагом России, Французское правительство сочувствует продвижению поляков. Не допускает мысли о скрытой аннексии ими Приднепровья. Если создано было бы Украинское правительство, оно может быть признано только де-факто».

19 апреля (2 мая) я письмом на имя генерала Перси ответил на переданную им мне ноту Великобританского правительства от 16 (29) апреля:

«Великобританское правительство 2 апреля предъявило генералу Деникину требование прекращения гражданской войны, угрожая в противном случае лишением Вооруженных сил на Юге России всякой поддержки.

По вступлении моем в должность Главнокомандующего, я сообщил Великобританскому правительству, что, будучи вынужден принять это его требование, я отдаю участь

армии, флота и населения Юга России на справедливое решение правительства Его Британского Величества, причем я полагаю долгом чести тех, кому мы оставались все время неизменно верными, спасти всех, кто не пожелал бы принять пощады от врага. Вместе с тем я указал на полную невозможность для нас вступить в непосредственные переговоры с противником.

В сообщении, сделанном лордом Керзоном господину Чичерину и переданном мне адмиралом Сеймуром, заключалось категорическое заявление, что, в случае отказа Советского правительства от посредничества Англии или нового наступления на южном направлении, Британское правительство будет вынуждено направить свои суда для принятия всех нужных мер по охране моей армии в Крыму и предотвращению вторжения советских сил в то убежище, которое в Крыму нашли Вооруженные силы на Юге России.

В письме от 29 апреля Вы передали мне содержание сообщения лорда Керзона Британскому верховному комиссару в Константинополе. Из него вытекает, что предъявление господином Чичериным некоторых неприемлемых политических требований побуждает Британское правительство считать, что единственный выход из создавшегося положения – чтобы я сам добивался от Советского правительства желаемых условий для себя.

Я не могу допустить мысли, что Британское правительство отказывается ныне от того посредничества, которое оно само взяло на себя после того, как я его поставил в известность о невозможности для меня непосредственных переговоров с врагом».

Указав, что борьба с большевиками есть борьба народная, что «никакая амнистия, никакие обещания не дадут мира большевистской России, ибо сам народ не стерпит советского режима», я писал:

«Единственным средством приостановить непрерывную анархию в России является сохранение в ней здорового ядра, которое могло бы объединить вокруг себя все стихийные движения против тирании большевиков. Не новым наступлением на Москву, а объединением всех борющихся с коммунистами народных сил может быть спасена Россия от этой опасности, которая грозит переброситься на Европу.

Поэтому сохранение неприкосновенности территории, занятой Вооруженными силами на Юге России, и обеспечение неприкосновенности казачьих земель совершенно необходимы для осуществления той цели, которую ставят себе союзники и в достижении которой нуждается цивилизованный мир, – прекращения гражданской войны и анархии в России.

Для облегчения Британскому правительству ведения переговоров с Советской властью я предполагаю послать в Лондон особо уполномоченных лиц, знакомых с настоящим положением дел в пределах моей территории и казачьих земель и посвященных в мои предположения.

В заключение я считаю долгом указать и Британскому правительству, и всей Антанте на опасность для них того положения, которое получится в случае лишения ими меня и моей армии всякой поддержки в настоящий критический момент, без какого-либо с моей стороны к тому повода.

Такой факт был бы торжеством Советской власти и капитуляцией перед коммунизмом и в будущем не мог бы не отразиться на отношении к союзникам русского народа, который не примирится с Советской властью».

В половине апреля большевики перешли против наших кавказских частей в наступление и заняли Сочи. Командующий Кубанской армией генерал Морозов и некоторые члены рады вступили 17 апреля, с согласия генерала Букретова, в переговоры с большевиками.

Получив об этом сведения, я приказал спешно выслать в порт Адлер весь свободный тоннаж и обратился к адмиралу де Робеку с просьбой помочь английским флотом. Туда же

выехал генерал Шкуро, на коего я возложил поручение принять для перевозки в Крым те части, начальники которых не пожелали бы вступить в переговоры с большевиками.

Погрузка производилась в весьма трудных условиях с лодок, грузились как на русские транспорты, так и на английские военные корабли. Лошадей, орудия и пулеметы пришлось бросить. Так как при эвакуации Новороссийска в Крым попали одни донцы, то я приказал теперь в первую голову грузить кубанцев.

Генерал Букретов, генерал Морозов, члены кубанского правительства и рады убеждали офицеров и казаков, что Крым – ловушка и что через несколько дней части армии в Крыму вынуждены будут капитулировать.

19 апреля погрузка закончилась, и корабли отошли в Крым. Большая часть кубанцев сдалась, незначительная часть ушла в горы, остальные были погружены; погрузилась и большая часть донских полков и Терско-Астраханская бригада.

Сам генерал Букретов, сложив с себя звание кубанского атамана и передав атаманскую булаву, согласно кубанской конституции, председателю кубанского правительства, инженеру Иванису, бежал в Грузию. За ним последовали члены кубанской рады – самостийники, захватив с собой часть кубанской казны.

21 апреля части с Кавказского побережья прибыли в Феодосию. Я через день приехал туда, смотрел полки, беседовал с офицерами. Большинство офицеров и казаков были мои старые соратники, сражавшиеся под моим началом на Северном Кавказе и под Царицыном.

В Крым прибыли наиболее сильные духом, изверившиеся и малодушные остались на Кавказском побережье. Прибывшие офицеры и казаки негодовали на предательство атамана и самостийных членов рады. Я был уверен, что, очистившись от малодушных, находясь вне тлетворной работы демагогической рады и поставленные под начальство крепких духом офицеров, отдохнувши и пополнившись всем необходимым, прибывшие казачьи полки вновь станут теми прекрасными частями, которые неизменно били врага на Северном Кавказе и в Задонье.

*Красная армия на марше.
Фотография. 1920 г.*

Донские части направлялись в Евпаторию, где должны были войти в состав Донского корпуса. Кубанские части я наметил свести в дивизию. Во главе Кубанской дивизии и приданной ей бригады терцев-астраханцев, я поставил доблестного генерала Бабиева.

Бабиев был один из наиболее блестящих кавалерийских генералов на Юге России. Совершенно исключительного мужества и порыва, с редким кавалерийским чутьем, отличный джигит, обожаемый офицерами и казаками, он, командуя полком, бригадой и дивизией, неизменно одерживал блестящие победы.

Его конные атаки всегда вносили смятение в ряды врага. За время Великой войны и междоусобной брани, находясь постоянно в самых опасных местах, генерал Бабиев получил девятнадцать ран. Правая рука его была сведена, однако, несмотря на все ранения, его не знающий удерживать порыв остался прежним.

Горячий русский патриот, он с величайшим негодованием относился к предательской работе казачьих самостийников. Я мог быть спокоен за те части, во главе которых он стоял.

За несколько дней до поездки в Феодосию, я смотрел в Евпатории полки Донского корпуса. Во главе корпуса теперь стоял генерал Абрамов, высокой доблести, неподкупной честности, большой твердости и исключительного такта начальник.

Донец по рождению, офицер Генерального штаба по образованию, командовавший до революции регулярной дивизией, долгое время исполнявший должность генерал-квартирмейстера в одной из армий, командовавший на Юге России Гвардейской казачьей бригадой, генерал Абрамов пользовался заслуженным уважением всей армии. Став во главе корпуса, он твердой рукой наводил порядки.

Сменил целый ряд начальников, подтянул офицеров и казаков. Я не сомневался, что ему удастся в самое короткое время привести корпус в порядок и вернуть ему прежнюю боеспособность.

Тогда же из Евпатории проехал я на фронт, где видел части Крымского и Добровольческого корпусов. Намеченная мною перегруппировка закончилась. Крымский корпус был эшелонирован на Сальковском направлении вдоль линии железной дороги, добровольцы сосредоточились на Перекопском направлении.

Юнкерские училища, дравшиеся в составе войск генерала Слащева, были выделены, и юноши, многие почти мальчики, жизни которых были столь дороги будущей России, получили возможность учиться. Части на фронте, успевшие поотдохнуть, почиститься и приодеться, имели бодрый веселый вид. Работы по укреплению позиций шли полным ходом. Рылись окопы, строились пулеметные гнезда, позиции заплетались проволокой.

Кипела работа и по постройке тыловых укреплений, лихорадочно строился Юшунский подъездной путь. Руководивший работами генерал Юзефович для ускорения работ по постройке железной дороги использовал целый ряд подъездных путей, имеющих второстепенное значение, перевозя разобранные шпалы и рельсы на новую дорогу.

Дисциплина в тылу, особенно в крупных городах, также значительно поднялась. Я неуклонно требовал от начальников гарнизонов самых решительных мер против разнузданности и разгильдяйства воинских чинов в тылу, требовал, чтобы все боеспособные без уважительных причин не оставляли бы своих частей, чтобы все выздоровевшие немедленно отправлялись из лазаретов на фронт; настаивал на соблюдении установленной формы одежды.

В середине апреля я сменил коменданта Севастопольской крепости. Новым комендантом был назначен генерал Писарев, хорошо мне известный по деятельности его в Кавказской армии, где он командовал корпусом. При нем Севастополь сразу подтянулся.

В конце мая генерал Писарев был назначен мною командиром Сводного корпуса, в состав которого вошли Кубанская дивизия и бригада туземцев, выделенная из состава Крымского корпуса. Генерала Писарева заменил генерал Стогов, остававшийся в должности коменданта до конца борьбы в Крыму.

Пришлось заменить и командующего флотом адмирала Герасимова, прекрасного человека, но мягкого и недостаточно решительного, 19 апреля командующим флотом и начальником морского управления был назначен вице-адмирал Саблин.

28 апреля я отдал приказ о наименовании впредь армии Русской. Соответственно с этим корпуса должны были именоваться армейские по номерам, казачьи по соответственному войску.

Название «Добровольческая» переносилось с Добровольческой армии и на политику ее руководителей. Оно перестало быть достоянием определенных воинских частей, оно стало нарицательным для всего, возглавляемого генералом Деникиным, движения. «Добровольческая политика», «добровольческая печать», «добровольческие власти» стали ходячими формулами.

Славное в прошлом, связанное с первыми шагами героической борьбы генералов Алексеева и Корнилова, «добровольчество», название столь дорогое для всех участников этой борьбы, потеряло со временем свое прежнее обаяние.

Несостоятельная политика генерала Деникина и его ближайших помощников, недостойное поведение засоривших армию преступных элементов, пагубная борьба между Главным «добровольческим» командованием и казачеством — все это уронило в глазах населения и самой армии звание «добровольца».

Из двух сражавшихся в России армий, конечно, право называться Русской принадлежало той, в рядах которой сражались все те, кто среди развала и смуты остались верными родному национальному знамени, кто отдал все за счастье и честь Родины.

Не могла же почитаться Русской та армия, вожди которой заменили трехцветное русское знамя красным и слово «Россия» — словом «интернационал». Конечно, и в рядах Крас-

ной армии было немало русских честных людей. В настоящее время Красная армия по составу своему была уже не та, как два года тому назад.

Во время борьбы на Северном Кавказе в рядах большевистских войск стояло все то мутное, что вынесла на гребне своем революция, все те худшие элементы, которые разложили и развратили Русскую армию. Такому врагу не могло быть пощады.

По мере развития нашей борьбы обе стороны вынуждены были прибегать к мобилизации, и в ряды красных войск попадали такие же воины, как те, которые сражались в наших рядах. Присутствие их на той или иной стороне большей частью зависело от случайных географических причин.

Этого не учел мой предшественник. Его односторонняя, непримиримая политика преследовала не только всех инакомыслящих, но и всех тех, кто случайно оказывался прикосновенным к любому делу, враждебному или просто недостаточно дружественному добровольческому.

Преследованию подвергались не только те, кто так или иначе, вольно или невольно, был прикосновенен к большевикам, но и к Украине, к Грузинской республике и пр. Неумная и жестокая политика вызывала ответную реакцию, отталкивала тех, кто готов был стать нашим союзником, и превращала искавших нашей дружбы во врагов. Мы несли с собой не мир и прощение, а жестокий карающий меч.

Тысячи офицеров, видевших в нас своих избавителей, переходя к нам, попадали под политическое подозрение и томились под следствием. Такое же отношение было и к гражданскому населению во вновь занимаемых нами областях.

Под подозрение попадали и преследованию подвергались и те, вся вина которых состояла в том, что они под угрозами вынуждены были предоставить перевозочные средства для подвоза провианта красным войскам, или те, кто, умирая с голода, служили писцами в потребительской лавке или телеграфной конторе.

Приказом от 29 апреля я освободил от всяких наказаний и ограничений по службе всех офицеров и солдат, если они сдались и перешли на нашу сторону, безразлично, до сражения или во время боев, а равно и всех, служивших ранее в Советской армии и, по добровольном прибытии в войска Вооруженных сил на Юге России, подвергшихся наказаниям или ограничениям по службе, восстановив их в правах и преимуществах, выслуженных до 1 декабря 1917 года.

Равным образом были освобождены от всякого наказания и ограничения по службе все офицеры и солдаты, ранее служившие в новых образованиях (Украина, Грузия) и подвергшиеся за это карам и ограничениям. Всем таким лицам возвращались их служебные преимущества.

Приказом от 8 июня все эти льготы распространены были на чинов гражданских управлений и учреждений. В двадцатых числах мая я обратился с воззванием к офицерам Красной армии:

«Офицеры Красной армии!

Я, генерал Врангель, стал во главе остатков Русской армии – не Красной, а Русской, еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой служили когда-то и многие из вас.

Русское офицерство искони верой и правдой служило Родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей. Три года тому назад, забыв долг, Русская армия открыла фронт врагу и обезумевший народ стал жечь и грабить Родную землю.

Ныне разоренная, опозоренная и окровавленная братской кровью лежит перед нами Мать-Россия...

Три ужасных года, оставшиеся верными старым заветам, офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и счастье Родины, оскверненной собственными сынами. Этих сынов, темных и безответных, вели вы, бывшие офицеры непобедимой Русской армии...

Что привело вас на этот позорный путь? Что заставило вас поднять руку на старых соратников и однополчан?

Я говорил со многими из вас, добровольно оставившими ряды Красной армии. Все они говорили, что смертельный ужас, голод и страх за близких толкнули их на службу красной нечисти. Мало сильных людей, способных на величие духа и на самоотречение... Многие говорили мне, что в глубине души сознали ужас своего падения, но тот же страх перед наказанием удерживал их от возвращения к нам.

Я хочу верить, что среди вас, красные офицеры, есть еще честные люди, что любовь к Родине еще не угасла в ваших сердцах.

Я зову вас идти к нам, чтобы вы смыли с себя пятно позора, чтобы вы стали вновь в ряды Русской, настоящей армии.

Я, генерал Врангель, ныне стоящий во главе ее, как старый офицер, отдавший Родине лучшие годы жизни, обещаю вам забвение прошлого и предоставляю возможность искупить ваш грех.

Правитель и Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России, генерал Врангель».

Воззвание это было приказано широко распространить среди противника, направляя за фронт через наших агентов, сбрасывая с аэропланов и т. п.

Весьма озабочен был я и облегчением тяжелого положения служащих военного и гражданского ведомств. При беспрестанном вздорожании жизни их положение, особенно семейных, было невыносимо тяжело. Целым рядом приказов денежные отпуска были увеличены, были намечены отпуска для семей, главы которых оставались в неизвестном отсутствии, остались при эвакуации Одессы и Новороссийска, попали в плен и т. п.

Вместе с тем проводилось усиленное сокращение штатов, непомерно разросшихся, был принят ряд мер по улучшению налоговой системы, повышены акцизные, таможенные и другие пошлины.

Однако наш рубль продолжал стремительно падать. Маленькая территория Крыма, конечно, не могла кормить армию. Вывоза не было, потребление значительно превышало предложение. Начальник финансового управления Бернацкий справедливо полагал, что поднять ценность рубля может лишь внешний заем, однако в настоящих условиях на такой заем едва ли можно было рассчитывать.

Тем не менее с целью выяснить все возможности, М. В. Бернацкий 28 апреля выехал в Париж.

В связи со вздорожанием жизни становилось тяжелым положение и всего городского населения, в том числе и рабочих. Враждебные нам силы это, конечно, использовали, и за последние дни среди рабочих в севастопольских портовых заводах стало заметно брожение, готовилась забастовка.

Последняя поставила бы нас в самое тяжелое положение, на заводах велась самая лихорадочная работа по исправлению орудий, пулеметов, аэропланов, броневых машин, по заготовке авиационных бомб, шанцевого инструмента и т. п.

В Севастополе, кроме лейб-казацкого полка, других сил не было. Я решил лично переговорить с рабочими, вызвал выборных к себе и долго с ними беседовал.

Я указал им, что еще 9 апреля советом начальников управлений при мне намечено рассмотреть вопрос о возможности прийти на помощь рабочим и что в настоящее время комиссией, рассматривающей этот вопрос, уже намечено повышение поденной платы чернорабочих до сравнения ее с соответствующей оплатой труда низших служащих в правительственных учреждениях, причем в дальнейшем плата будет повышаться в соответствии и одновременно с увеличением содержания низших служащих в тех же учреждениях.

Устанавливаемая таким образом плата должна приниматься за основание при установлении оплаты труда квалифицированных рабочих.

Из свободных от назначения на фронт предметов обмундирования и продовольственных запасов рабочим будут выдаваться в счет заработной платы по интендантской цене, установленной для военнослужащих, предметы обмундирования с рассрочкой платежа на двенадцать месяцев и интендантский паек натурой, первоначально в половинном размере.

В городах и пунктах пребывания рабочих было намечено открыть особые казенные потребительские лавки, сосредоточить в них из казенных запасов возможное количество продовольственных продуктов, мануфактуры и других предметов домашнего обихода и снабжать ими рабочих по льготным ценам в размере до десяти процентов месячной заработной платы.

В первую голову приказано было открыть две такие лавки в Севастополе. В заключение я, указав рабочим на тяжелое положение государственного казначейства и скудость имеющихся запасов, выразил уверенность, что они оценят то, что делает для них армия, делясь с ними последним, и со своей стороны помогут ей своей работой.

Рабочие ушли, видимо очень удовлетворенные. Забастовка не состоялась, и дальнейшие попытки к агитации успеха не имели.

Глава III. Приказ о земле и волостном земстве

Комиссия сенатора Глинки, бывшего товарища министра земледелия и начальника переселенческого управления, которому я поручил сперва образовать в Ялте совещание по земельному вопросу из лиц, мною указанных, а затем уже особую комиссию в Симферополе, работала весьма интенсивно.

В состав комиссии, заседавшей в Симферополе, вошли в качестве ее членов: представители от Ялтинского совещания общественных деятелей, в количестве четырех человек, управляющий отделом земледелия и землеустройства, начальник общей части этого отдела, начальник Таврического управления земледелия и государственных имуществ, таврические: губернский землемер, начальник межевого отделения, заведующий Государственным земельным фондом; управляющие Государственным земельным банком и Таврическим его отделением, старший нотариус Симферопольского окружного суда, начальник Симферопольского уезда, товарищ председателя Съезда сельских хозяев, председатель Таврической губернской земской управы, явившиеся из числа всех приглашенных земских деятелей, председатели Перекопской, Евпаторийской и член Феодосийской уездных земских управ, три представителя волостей симферопольского и феодосийского уезда и шесть особо приглашенных лиц, общим количеством тридцать членов комиссии.

С первых же дней работы комиссии вокруг нее поднялась буря страстей. И печать, и представители «демократической общественности», и «консервативные» представители крупной земельной собственности горячо отстаивали свои точки зрения.

Одни требовали «признания завоеваний революции и безвозмездного предоставления малоземельному и безземельному крестьянству всей казенной и частновладельческой земли, — другие, не допуская возможности принудительного отчуждения, хотя бы и за плату, утверждали, что «собственность священна», что всякое стеснение крупного хозяйства помещает экономическому возрождению страны.

Трудно было вести комиссии эту работу в этой атмосфере, насыщенной борьбой, так как среди членов комиссии не было единодушия. Разрешать земельный вопрос во всем его общем всероссийском масштабе комиссия не считала себя вправе, учесть же все психологическое значение известных аграрных мероприятий для успеха борьбы с большевиками в условиях настоящего революционного времени комиссия не могла.

Ища средней линии, стремясь найти выход из положения, комиссия ограничила свои работы, наметив некоторые земельные мероприятия и лишь в пределах многоземельного Крыма, применительно к этим особым его местным условиям.

Комиссия составила проект правил, согласно которым передавались земледельческому населению лишь те пахотные и сенокосные земли частновладельческих имений, которые сдавались в аренду или оставались владельцем без обработки за последние шесть лет.

При этом каждому землевладельцу предоставлялось сохранить за собой до 200 десятин, а в хозяйствах, имеющих государственное или краевое значение, — до 400 десятин. Совершенно неприкосновенными сохранялись у их владельцев все усадебные земли и постройки, площади ценных культур, а у крестьян — их наделные участки и земли, купленные при содействии крестьянского банка.

Все обреченные на отчуждение земли должны были немедленно быть приведены в ясность, но при этом допускалась еще в течение года добровольная их продажа владельцами покупателям. Относительно выбора последних, как и о размере продаваемых участков, — установлены были особые правила.

И только не распроданные к указанному сроку земли должны были поступать в распоряжение правительства для дальнейшего их использования по назначению. Преимуществен-

ное право покупки предоставлялось постоянным арендаторам и в особенности тем из них, которые имели на арендуемой земле усадьбную оседлость и хозяйственное обзаведение.

Для приведения в исполнение постановлений законопроекта предполагалось учредить особые посреднические комиссии.

Вместе с тем Симферопольская особая комиссия разработала правила о немедленной разбивке на участки и продаже землепашцам всех пригодных для сельскохозяйственного пользования земель казенных и Государственного земельного банка и о возвращении немецким колонистам земель, отобранных у них на основании особых узаконений 1915 года, а равно и ряд других практических мероприятий.

Однако этот проект комиссии не является результатом единогласного решения. Даже некоторые из подписавших его членов комиссии подали затем особые мнения о несогласии своим с наиболее существенными пунктами проекта, а часть членов вообще отрицала необходимость издания какого-либо имеющего законодательный характер акта по земельному вопросу и признавала возможным ограничиться пока отдельными приказами, охватывающими частные случаи, с расширением лишь деятельности Государственного земельного банка по добровольной покупке земель у частных владельцев и наилучшим использованием незасеянных и вообще пустующих земель.

Из представителей земств и крестьянского населения председатель Таврической губернской земской управы подал особое мнение о немедленной передаче земледельческому населению не только обычно сдаваемой в аренду земли частновладельческих имений, но и всей неиспользованной за последние три года площади, с предоставлением владельцам сохранить за собой участки лишь не более 100 десятин.

Генерального штаба генерал-лейтенант П. Н. Врангель.
Фотография. 1920 г.

Таким образом, комиссия, в сущности, не указала общего решения земельного вопроса, недостаточно широко пошла навстречу сложившимся в крестьянской среде представлениям о действительных потребностях земельного устройства. Она только дала обширный материал, ценный для дальнейших работ.

Между тем как крестьянству, главному оплоту русской государственности, так и армии для опоры ее на широкие крестьянские массы нужно было ясное и твердое слово о земле

и слово, отвечающее желаниям крестьянства, его чаяниям, мечтам. Слово, закрепляемое и делом.

Газеты с известиями о работах земельной комиссии в это время проникли за фронт красных. В Севастополе пробирались через фронт отдельные крестьяне из южных уездов Северной Таврии, они осведомляли нас о положении и ожиданиях зафронтового крестьянства и сами справлялись о том, как новый Главнокомандующий предполагает разрешить вопрос о земле и местном управлении.

Я вызвал некоторых из них, именовавших себя представителями крестьянских союзов, к себе. Долго и подробно говорил с ними сам, поручив сенатору Глинке записать и сформулировать их соображения и желания и, поскольку они не противоречат моим взглядам, принять все это во внимание при последующей работе.

Крестьяне говорили, что население тех местностей, откуда они прибыли, за исключением лишь голытьбы и отбросов, крайне тяготится Советской властью и коммуной.

Крестьяне желают водворения в деревне мира, порядка и государственности, они ждут закона о земле и земском управлении, но хотят сами взять в свои руки заведывание земским хозяйством и распоряжение землей; они уверяли, что поведут дело разумно, хозяйственно и справедливо, без всякой обиды и разрушения сохранившихся хозяйств частных владельцев.

Только при таких условиях крестьянство, по их заявлению, поймет и признает, что дело Русской армии – их собственное и государственное, народное дело.

Эти беседы окончательно укрепили меня в моем решении идти навстречу настроением армии и населения. Я тут же поручил сенатору Г. В. Глинке приготовить в самый кратчайший срок земельный законопроект, определенно указав ему те главные основания, на которых этот законопроект должен быть составлен.

Чтобы оценить необходимость и правильность этого решения, надо уяснить себе общую обстановку в областях, занимавшихся около года Добровольческой армией, как и в тех, которые оставались вне действия законов правительства генерала Деникина. Условия сельского хозяйства, в связи с полной необеспеченностью его и с отсутствием правового порядка в землепользовании, привели к полной хозяйственной разрухе.

Захваченная крестьянами в Северной Таврии помещичья и хуторская земля, равно и часть крестьянской надельной, не признаваемая Советским правительством собственностью ее давних хозяев – состоятельных крестьян-земледельцев – и в значительной мере представленная так называемой деревенской бедноте, обрабатывалась далеко не полностью.

Так называемые совхозы – бывшие крупные имения, оставленные Советской властью за собой и долженствовавшие служить для насаждения коммунальных хозяйств, дали столь жалкие результаты, что с начала 1920 года Советская власть сама начала издавать спешно законы об уничтожении коммунальных хозяйств и создании, с ведома самих крестьян, из небольших участков этих имений, опытных станций.

Впоследствии, по проведении в Крыму земельного приказа, в распоряжение правительства Юга России было принято свыше пятнадцати крупных имений, бывших «совхозов». Имения эти были приведены Советской властью в полное разорение.

Живой и мертвый инвентарь сохранился в очень ограниченном количестве; постройки, частью сожжены, частью растасканы. (Например, в имении Фальц-Фейна «Аскания-Нова» из 400 лошадей осталась 1, из 120 верблюдов – 72, из 1000 волов – 60, из 300 коров – 3, из 200 свиней – 67, из 45 000 овец – 5000. Посевная площадь повсюду сократилась чрезвычайно, так в указанном имении из 4370 десятин экономической сельскохозяйственной земли было засеяно 415 десятин, в имении Кудрявцева из 980 десятин – 40 десятин, в имении Карабона из 2550 десятин – 180 десятин, в имении Желябина из 1945 десятин – 120 и т. д., т. е. в общем засеяно менее 8 процентов.)

**Правителя и Главнокомандующаго Вооруженными Силами
на Югъ Россіи.**

№ 3226

20-ю Мая 1920 года

г. Севастополь.

Русская Армія идетъ освобождать отъ красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мнѣ Русскій Народъ.

Мною подписанъ законъ о волостномъ земствѣ и возстановляются земскія учрежденія въ занимаемыхъ Арміей областяхъ.

Земля казенная и частновладѣльческая сельско-хозяйственнаго пользованія распоряженіемъ самихъ волостныхъ земствъ будетъ передаваться обрабатывающимъ ее хозяевамъ.

Призываю къ защитѣ Родины и мирному труду русскихъ людей и обещаю прощеніе заблудшимъ, которые вернутся къ намъ.

Народу — земля и вся въ устроении государства.

Земль — Волею народа поставленный Хозяинъ.

Да благословитъ насъ Богъ!

Генералъ Врангель.

Типографія Политической Части Штаба Главнокомандующаго В. С. Ю. Р.

**Приказ Главнокомандующаго Вооруженными силами
Юга Россіи генерала П. Н. Врангеля
о вступлении в силу Закона о земле**

В южных уездах Таврической губернии, которые около года полностью находились в пределах управления Вооруженных сил на Юге России, утвержденное генералом Деникиным положение о волостных земских учреждениях все еще введено в действие не было.

Старая губернская и уездная земская управы, полномочия которых, за невозможностью созыва земских собраний, потеряли свою силу, не отвечали современным условиям и не пользовались авторитетом среди широких слоев крестьянского населения. Землепользование и землевладение были везде непрочны. При этом повсеместно имелось большое количество совершенно неиспользованных земель.

Таким образом, революционная волна, разрушившая дворянское землевладение, уничтожила прежние основы, составлявшие дореволюционный фундамент земельной России.

Но, вместе с помещиками, эта волна смыла с их родной земли и мелких крестьянских собственников, хуторян, расшатала арендаторские хозяйства и вынесла на своем гребне те темные силы, которые, под названием деревенской бедноты, осели в деревнях, терроризируя все хозяйственное трудовое население и служа главным оплотом Советской власти.

Восстановить прежние условия жизни, помимо отвлеченных соображений, было, конечно, нельзя и практически: имения были расстроены, инвентарь уничтожен, условия найма рабочих другие; арендные ставки не могли быть нормированы; наконец, личное пребывание владельцев в пределах своих имений – небезопасно.

Нужно было прежде всего поднять, поставить на ноги трудовое, но крепкое на земле крестьянство, организовать, сплотить и привлечь его к охране порядка и государственности.

А главное, – необходимо было использовать возможность психологического воздействия на крестьянские массы, вырвать из рук наших врагов главное орудие пропаганды против белой армии и белого движения: всякое подозрение в том, будто бы цель нашей борьбы с красными – восстановление помещичьих прав на землю и месть за их нарушение.

И я остановился на мысли издать «Приказ о земле», положив в основу земельного порядка прежде всего требования жизни, указанные мною еще 8 апреля, а именно:

1. Использовать все земли, годные к обработке, в каких бы условиях они не находились, для владения ими возможно большего количества действительно трудящихся на земле хозяев.

2. Все наделяемые землей землепашцы должны получить ее в собственность за выкуп и в законном порядке.

3. Создать для осуществления реформы на местах органы земского самоуправления и привлечь к участию в них самих крестьян.

Но чтобы крестьянство знало, что несет ему освобождающая его от большевистского бесправия Русская армия, приказ о земле и земских учреждениях должен был быть не только разработан и объявлен немедленно, но и введен в силу на деле. Необходимо было наглядно показать отношение к земельному вопросу белого движения и твердые намерения национальной власти.

Позднее эти основные положения выразились в следующих кратких словах последующих моих приказов: «Народу земля и воля в устройении государства» (Приказ от 20 мая № 3226) и «Кому земля – тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения» (Приказ от 15 июня № 94).

Имея теперь мои решительные требования и указания, сенатор Глинка исполнил быстро возложенную на него задачу. К середине мая проекты закона о земле и о новом волостном земстве были им изготовлены и мною были одобрены. Они позднее были рассмотрены под личным моим председательством в состоявшем при мне совете. 18 мая Г. В. Глинка ознакомил участвовавших с обоими проектами, после чего я предложил членам совета высказаться по существу.

Мнения и здесь разделились, большинство страшилось огромности поставленной задачи, опасалось того противодействия, которое она встретит при своем осуществлении. Лишь военные члены совета, наиболее близко стоявшие к армии, опираясь на мнение командиров частей на фронте, учитывали в полной мере психологическое значение, как для самой армии, так и для населения, немедленного разрешения этого вопроса.

За оба проекта высказались, кроме их составителя, лишь я, генерал Шатилов и и. д. начальника военного управления генерал Никольский. К постановке обсуждения, которым я лично внимательно занялся ранее, не переходили и по закрытии заседания совета я утвердил оба проекта по существу.

Прибывший через два дня А. В. Кривошеин понял все психологическое значение принятого мною решения, проявив свойственную ему удивительную политическую чуткость и исключительную гибкость ума.

– Проект этот не совершенен, – говорил Александр Васильевич, – но раз он может облегчить армии ее успехи, привлечь к ней доверие крестьянства, раз сама армия ждет слова о земле, то времени терять нельзя, сама жизнь позднее внесет необходимые в дело поправки.

Он настоял только на придаче закону особой формы «Приказа о земле», а посреднические земельные комиссии посоветовал назвать земельными советами.

– Пусть слово о земле будет сказано в приказе вождя армии. Приказ, отданный в суровой обстановке военного лагеря, не может быть столь совершенен по форме, как нормально изданный закон.

25 мая 1920 г. были объявлены:

1) «Приказ о земле»;

2) «Правила о передаче распоряжением правительства казенных государственных, земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» и

3) «Временное положение о земельных учреждениях».

Одновременно с изданием приказа о земле и приложенных к нему правил и временного положения было опубликовано «Правительственное сообщение по земельному вопросу», подробно разъясняющее условия и причины издания земельного закона, его содержание и значение.

«Приказ о земле» и приложенные к нему «Правила» и «Временное положение» были затем обнародованы указом Правительствующего сената, действовавшего в то время в составе департаментов, восстановленных на Дону, и перенесшего свое местопребывание в Ялту. Сенат счел необходимым высказать в своем указе нижеследующее:

«Приказ Правителя, облеченного всей полнотой власти, передает землю трудящимся хозяевам в вечную наследственную собственность, но не даром, а за выплату государству стоимости ее для расчетов с собственниками отчуждаемых земель.

Такой путь перехода, распределения и укрепления земельных угодий отвечает правовым понятиям народа и соответствует историческому развитию земельного законодательства Верховной властью.

Отныне в деревне должен установиться твердый земельный порядок и хозяйственная обеспеченность жизни трудящихся на земле, а сам закон будет осуществляться при ближайшем участии сельских хозяев под высшим контролем Правителя и Главнокомандующего.

Закон земельный направлен к общему благу государства, и на нем будет строиться экономическая мощь России.

Споры, неудовольствия, раздоры вокруг земельного вопроса должны смолкнуть. Каждый верный сын нашей многострадальной Родины, не из-за страха, а по долгу совести, обязан отдать свои силы и знания и поступиться своими личными интересами, всемерно помогая Правителю и Главнокомандующему в скорейшем и наилучшем осуществлении закона о земле».

Следует заметить, что при спешности, с которой издавался земельный закон и желательности изложить его в самой краткой форме, невозможно было ввести в него разрешение некоторых частных вопросов, какие должны были возникнуть при его применении.

К числу таких вопросов относятся: о размерах и порядке взимания аренды и скупщины за урожай 1920 года на мелких, подлежащих отчуждению участках, об усадебной оседлости и постройках, находящихся на подлежащих отчуждению землях и состоящих в пользовании арендаторов или живущих на этой земле хозяев, о применении закона к землям – городским,

годным для устройства курортов и т. д. Вопросы эти были разрешены дополнительными приказами.

* * *

Согласно приказу о земле пахотные, сенокосные и выпасные угодья имений казенных и Государственного земельного банка и все излишки частновладельческих имений, превосходящих установленные размеры неприкосновенно сохраняемого за каждым хозяином владения, передаются трудящимися на земле хозяевам.

Размер участков, сохраняемых за собственниками, намечается для каждой волости местными земельными советами, но утверждается высшей правительственной властью (Приказ о земле, ст. 2, пп. 8 и 3 и ст. 14, п. 1).

Очень существенное исключение делается для имений (совхозы), в которых распоряжались и вели хозяйство поставленные советскими властями управляющие или комиссары, а также для особо культурных или промышленных хозяйств, имеющих, по признанию местного населения, государственное или краевое значение. Имениями этими временно распоряжается правительство, и они могут передаваться в заведывание либо казенным управлениям, либо местному волостному земству, с обязательством сохранения в них правильного хозяйства и обзаведения.

Однако и в этих имениях подлежат передаче трудящимся на земле хозяевам в первую очередь арендный фонд, а затем и все те угодья, которые будут признаны излишними для сохранения представляемой имением хозяйственной единицы (Приказ о земле, ст. 7).

В имениях, которые Советской властью обращены в коммуны, эти достижения революции немедленно уничтожаются, а их земли следуют общей участи частновладельческих имений, и, за выделом из них участков собственникам, они поступают в распоряжение волостных земельных советов. Последние либо учреждают для них особые управления, либо устраивают в них трудящихся на земле хозяев (Приказ о земле, ст. 6).

За хозяевами и арендаторами, имеющими на обрабатываемых ими участках, подлежащих отчуждению, усадьбную оседлость, укрепляется усадьбная земля, которая вообще у всех владельцев считается неприкосновенной и не подлежащей отчуждению.

Казенные леса сохраняются в распоряжении казны, а частновладельческие принимаются под наблюдение лесных правительственных управлений. Но местному населению обеспечивается право получать из частновладельческих лесов топливо и строительные материалы в мере действительной потребности в них, принимать участие в разработке леса и увеличивать в необходимых случаях за счет лесных площадей сельскохозяйственное пользование (Приказ о земле, ст. 5).

Целый ряд земельных угодий, таким образом, изымается из правил об отчуждении и сохраняется в полной неприкосновенности за их собственниками. Таковы:

- 1) надельная;
- 2) купленная с содействием крестьянского банка по установленным для сего нормам;
- 3) выделенная на хутора и отруба по законам землеустроительным;
- 4) отведенная в надел церквям и причтам, а также монастырская и вакуфная¹⁰;
- 5) принадлежащая сельскохозяйственным опытным, учебным и ученым учреждениям и училищам;
- 6) входящая в черту городских поселений, а также признаваемая необходимой для расширения этих поселений;

¹⁰ Вакуф – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельными лицами на религиозные или благотворительные цели.

7) принадлежащая городским поселениям, хотя бы и не входящая в их черту, если они обслуживают нужды городских общественных управлений, для каких бы то ни было надобностей;

8) предназначенная для культурно-просветительных поселков или для поселения на них воинов армии;

9) усадебная, огородная, равно как занятая искусственными насаждениями, поливными посевами и особо ценными культурами или садами, кому бы и в каком бы размере таковые не принадлежали, за исключением указанных выше усадебных мест, состоящих в пользовании хозяев и арендаторов и подлежащих укреплению за ними вместе с полевой землей;

10) под мельницами, фабриками, заводами и другими постройками промышленного характера в размере, необходимом для правильной их работы, а также занятая подсобными к ним сооружениями и устройствами и

11) не входящая в состав волостей, кому бы они не принадлежали, если эти земли относятся к не подлежащим отчуждению угодьям, указанным выше, а в части угодий сельскохозяйственного пользования не превышают размера участка, оставляемого всякому собственнику при отчуждении от него таких угодий (Приказ о земле, ст. 2, п. 2, п. 8 и ст. 14, п. 1) либо местной нормы приобретения земли при содействии крестьянского банка (Приказ от 2 и Приказ от 3 октября, № 162, отд. II).

Вся земельная реформа имеет, таким образом, в основе одну идею – укрепление права бессословной частно-земельной собственности. Правда, допускаются перемены в личностях собственников. Разделяется по-новому земельная собственность. И наконец, право частной собственности уступает всегда интересам общегосударственным.

Но все же преобразуемый земельный строй зиждется всецело на крепкой связи земле-владельца-хозяина с его землей, на полном праве его не только владеть и пользоваться, но и распоряжаться своим участком, а впредь до выдела его в натуре – иметь право на выдел такого участка.

Все земли, подлежащие передаче трудящимся на земле хозяевам, укрепляются за ними в полную собственность, но не безвозмездно, а при условии выплаты за них государству их стоимости по оценке достаточно льготной и способами, облегчающими эту выплату.

Право собственности на недра земли впредь до разрешения этого вопроса общероссийской государственной властью сохраняется, однако, за прежними владельцами (Приказ о земле, ст. 3 и примечание к ст. 13).

Рисунок с агитационного плаката Добровольческой армии.

Под плакатом надпись: «Так большевистские карательные отряды из латышей и китайцев насильственно отбирают хлеб, разоряют деревни и расстреливают крестьян»

Выбор хозяев, за коими укрепляется земля, а также определение высшего размера укрепляемых участков, предоставлено всецело местным представителям «Земли» – уездным земельным советам. И состав последних таков, что [выбор предоставлен] голосу местных крестьян-хозяев, но именно этому хозяйственному элементу крестьянства дается широкое участие в решении местного земельного вопроса сообразно местным же потребностям хозяйственной жизни.

Приказ о земле дает им лишь руководящие общие указания, подлежащие обязательному исполнению, а именно:

1) при определении условий, которым должны удовлетворять хозяева при укреплении за ними обрабатываемых ими земель, местные учреждения, решающие окончательно этот вопрос, могут брать в основание целый ряд условий: подданство, несудимость, личный труд на земле, технические познания в земледелии, аренда земли, проживание в имении и т. п.;

2) запрещается безусловно (дополнительным приказом) укреплять землю за дезертирами и уклоняющимися от воинской повинности;

3) во всяком случае преимущественное право на укрепление обрабатываемых участков предоставляется хозяевам, имеющим уже на них свою усадебную оседлость и хозяйство и обычно снимавшим эти земли в аренду или испольную обработку;

4) земли каждой волости должны служить в первую очередь обеспечением устройства на них постоянных жителей волости (по признаку постоянного проживания и ведения на этих землях хозяйства, а не приписки к волости) из числа фактических хозяев-землевладельцев. Лишь за удовлетворением этой категории землепашцев, свободные остатки могут быть обращаемы на устройство пришлого земледельческого населения;

5) волостные земельные советы обязаны с особым вниманием выяснить права на землю воинов, борющихся за восстановление государственности, всячески охранять их интересы и предоставлять им и их семьям преимущественное перед прочими, в равных с ними условиях находящимися хозяевами, право на укрепление земли. По весьма понятным причинам этому правилу придавалось особое значение, оно не только неоднократно было повторено, но включено и в Приказ о земле, как имеющее декларативный характер;

6) установление предельного размера, до которого фактическое землевладение может быть закрепляемо за отдельными обрабатывающими землю хозяевами, также предоставлено на волю местных земельных учреждений. Они обязываются не только исходить из соображений о возможности вести на земле прочное хозяйство.

Другое весьма важное ограничение беспредельности усмотрения местных органов заключается в том, что во всяком случае действительное владение хозяев, превышающее в общей сложности размер установленных для данной местности норм для покупки земли с содействием бывшего крестьянского банка, не может быть уменьшено (Приказ о земле, ст. 14, пп. 2 и 3, ст. 15, ст. 16, пп. 1 и 2; отдел III и Приказ от 21 августа № 123).

Таким образом, Приказ о земле отказывается прежде всего от идеи общего наделения. Нет и мысли о даровой раздаче земли. И нет обещаний обеспечить землей всех желающих и сделать земельными собственниками и сельскими хозяевами весь пролетариат, хотя бы деревенский, не говоря уже о давно отслоившемся от него городском пролетариате, совершенно чуждом земле и хозяйству.

Далее устраняется мысль всероссийского земельного передела для уравнивания землепользования распоряжением закона и власти всех губерний и уездов по каким-либо общим нормам земельного устройства. Все приурочивается к упорядочению землепользования каждой волостью в пределах своей волости.

И этот местный характер всего землеустройства резкой чертой проводится в Приказе, со всеми выгодами его практического осуществления и со всеми его недостатками по сравнению с широкими планами не осуществимого общего передела земель всего государства между всеми, для чего потребовалось бы принудительное расселение и переселение широких масс земледельческого населения с севера на юг и с запада на восток на пространстве «шестой части вселенной».

Наконец, отказ от «норм» хозяйства открывает полную возможность сохранения на месте всяких размеров хозяйств, если, по местным условиям и по убеждению местных людей, такое распределение земель отвечает интересам земского мира и жизненности земельного хозяйственного строя.

Вовсе не требуется при этом, чтобы каждому хозяину, за которым укрепляется земля, был отграничиваем тотчас отдельный отрубной участок, так как это потребовало бы очень большого количества землемеров и слишком замедлило бы проведение реформы в жизнь. Поэтому имеется в виду, как общее правило, отвод земли группам хозяев, откладывая окончательное землеустройство на последующее время.

Однако, по точному смыслу и духу закона, и в таких случаях земля должна отводиться непременно в личную, а не общую или общинную собственность, то есть хотя и в одном

общем куске для целой группы хозяев, но с указанием, сколько земли принадлежит в нем каждому хозяину (доля) и с правом производить выдел и общее развертывание не по общему согласию всех соучастников владения, а по приговорам сходов совладельцев, постановляемых большинством голосов.

Отграничение отдельным хозяевам отрубных участков должно иметь место в тех случаях, когда это возможно по техническим условиям, а по каким-либо причинам особенно необходимо.

Во всяком случае участки должны быть отводимы с соблюдением основных общих правил землеустройства: владельцу – к его усадьбе, а отдельным группам хозяев – так, чтобы их участки не были чрезполосны с другими уже отведенными участками и не препятствовали бы правильному землеустройству на остальных землях имения, подлежащих отчуждению, но еще не распределенных между хозяевами (Приказ о земле ст. 3, 10 и 12, ст. 14, пп. 1 и 4 и Правительственное сообщение по земельному вопросу).

Нелишне еще раз отметить существенное отличие проектируемого отчуждения земель от всяких программ советского землеустройства: новые собственники обязаны вносить в казну выкуп на установленных в Земельном приказе основаниях:

1) полной оплатой государству стоимости каждой десятины удобной земли, без различия – пахотной, сенокосной или выпасной, признается сдача в государственный запас хлеба в зерне преобладающего в местности посева (ржи или пшеницы), в количестве пятикратного среднего за последние десять лет урожая этого хлеба с казенной десятины;

2) размеры среднего за последние 10 лет урожая с десятины для каждого уезда, части уезда или волости, без различия размеров владений посевищиков, выясняются уездными земельными советами и представляются на утверждение совета при Главнокомандующем;

3) причитающееся в оплату отчуждаемых участков количества хлеба вносится новыми собственниками в течение 25 лет ежегодно равными частями, составляющими на каждую десятину одну пятую часть среднего урожая;

4) плательщику предоставляется во всякое время досрочно произвести полную оплату стоимости всего или части укрепленного за ним участка земли взносом хлеба или его денежной стоимости по рыночным местным ценам времени уплаты, и

5) правительству, в случае государственной надобности, а также плательщикам, по их о том ходатайствам, предоставляется заменять годовые хлебные платежи деньгами по рыночной стоимости хлеба к сроку платежа (Приказ о земле, ст. 9, пп. 1–3, 5 и 6).

Хозяева, в пользовании которых находится земля, подлежащая отчуждению, облагаются выкупными за нее сборами хлебом или деньгами в казну еще до ее укрепления, а именно со времени распространения на данную местность Приказа о земле, и затем продолжают вносить эти сборы в установленном при укреплении размере впредь до уплаты государству полной стоимости укрепленных участков.

В случае не внесения сборов в срок, состоящие в пользовании неисправных плательщиков участки, как не укрепленные в собственность, так и укрепленные, передаются распоряжением волостных земельных советов другим лицам, с правом укрепления за ними этих участков (Приказ о земле, ст. 8 и 10).

Порядок сбора хлеба, места и сроки ссыпки, определение количества ссыпанного зерна и разрешение вопросов об условиях замены зерна денежными сборами предполагалось устанавливать особой инструкцией (Приказ о земле, ст. 9, п. 7), и последующими приказами установлены были значительно более льготные условия платежа за землю: Приказом от 26 июля 1920 года за № 3367 разъяснено о взносе денежных и хлебных платежей за землю на 1920 г.:

1) взносы должны производиться лишь с посевной десятины (предполагалось ранее – с круговой), в размере не свыше одной пятой действительного в текущем году урожая (по

тексту Приказа – вместо среднего за последние десять лет) и притом зерном того хлеба, который был засеян и собран (Приказ требовал – ржи или пшеницы);

2) взносы эти поступают по письменным и словесным договорам владельцам имений, если они или их доверенные имеются налицо, а во всех остальных случаях – непосредственно в казну, и

3) все взносы скопщины и денежные платежи, поступающие от поставщиков как собственникам, так и в казну, тотчас зачитываются плательщикам в качестве первого платежа государству в счет выкупной стоимости отчуждаемой земли, окончательный расчет за которую с бывшими собственниками принимает на себя государство.

Сбор, устройство помещения для ссыпки хлеба и хранения пятой части урожая, вносимой в казну натурой, возложены были, до открытия земельных советов и волостных земских управ, на волостные сельские правления под наблюдение начальников уездов и уездных по земельным делам посредников (Приказ 26 июня 1920 г. № 3367; Распоряжение управления земледелия и землеустройства от 10 июля).

**Генерал Н. П. Врангель, войсковые атаманы,
члены Правительства Юга России и войсковых
казачьих правительств. Крым, Севастополь.
22 июля 1920 г.**

* * *

Отделом IV Приказа о земле на начальника управления финансов возложено было в срочном порядке разработать и представить на утверждение Главнокомандующего «Предложения об основаниях о порядке и сроках окончательного расчета государства с собственниками отчуждаемых земель и о возмещении государственному казначейству расходов по этим расчетам».

Предложения эти были составлены и назначены к рассмотрению в особой комиссии с участием представителей от заинтересованных ведомств, но рассмотрение не состоялось

ввиду эвакуации из Крыма. Предложения же управления финансов, внесенные на обсуждение особой комиссии, сводились к выдаче собственникам отчуждаемых земель свидетельств на право получения через 25 лет стоимости трех урожаев, с уплатой в виде процентов ежегодно $1/25$ от трех урожаев или 4 % годовых.

Остальные два урожая, взимаемые с новых владельцев земли, предлагалось считать процентом роста за рассроченные на 25 лет взносы зерна. При этом три урожая предложено было уже исчислять не со всей площади удобной земли, как это установлено Приказом для новых владельцев отчуждаемых земель, а лишь с пахотной земли с соответствующим понижением платы за сенокосы и запасы.

Вопрос о выкупе был, как кажется, единственным вопросом, возбудившим некоторые сомнения на местах. Крестьяне, впрочем, не возражали против мысли о выкупе; но, не учитывая выгод для плательщиков и убыточности для казны платежа за землю хлебом, — они указывали, что выкупные платежи исчислены слишком высоко и что их нужно уменьшить.

Вопрос этот, несомненно, пришлось бы вновь пересмотреть при разработке правил об основаниях, порядке и сроках окончательного расчета государства с собственниками отчуждаемых земель и о возмещении государственному казначейству расходов по этим расчетам (Приказ о земле, отдел I).

По мысли Приказа, право собственности новых владельцев создается в два момента, как это было с положением от 19 февраля 1861 года. Сначала и немедленно: хозяевам, за коими укрепляются земли на указанных выше основаниях, выдаются выписки из постановлений уездных земельных советов об утверждении представленных волостными земельными советами проектов укрепления.

Документы эти, подобно уставным грамотам 1861 года, служат бесспорными актами владения землей для новых собственников впредь до уплаты государству полной стоимости отчуждаемых земель. Когда же выплата состоялась, наступает второй момент создания собственности и выданные ранее выписки (Приказ о земле, ст. 12 и 13) заменяются основанными на этих актах крепостными данными.

Последние и должны были быть тою крепкою «бумагою», которую жаждет крестьянство на имеющиеся у него земли.

Самый порядок проведения в жизнь Приказа о земле установлен с таким расчетом, чтобы, с одной стороны, прежде всего немедленно прекратить всякую самовольную расправу с захватчиками и вместе предотвратить всякие новые земельные захваты, без постановлений проходящих в законном порядке, и осуществить реформу с наименьшим разрушением уцелевшего еще местами сельскохозяйственного строя, без разорения существующих хозяйств и уменьшения их сельскохозяйственной производительности.

В соответствии с этим первой статьей Приказа о земле установлено правило, в силу коего в каждой местности немедленно по занятии ее Русской армией «всякое владение землею сельскохозяйственного пользования, независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране правительственной властью от всякого захвата и насилия.

Все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев». Таким образом, в каждой вновь занимаемой Русской армией местности земельный закон вводится в действие автоматически, без особого о том постановления, со времени подчинения ее власти Главнокомандующего.

Создавшееся к тому времени фактическое владение землею признается ненарушимым. Оно является исходным пунктом для дальнейшего применения Приказа и, как сказано в той же ст. 1, с этого времени может быть изменяемо единственно и только в том порядке, какой установлен этим Приказом.

Изменения эти Приказ предусматривает в следующих случаях:

1) возвращение законным собственникам захваченных у них земель из состава не подлежащих отчуждению и передач земледельцам;

2) удаление с участков лиц, признанных не имеющими прав на укрепление за ними этих участков, и

3) другие изменения владения отдельных хозяев, какие признают необходимыми земельные советы, в связи с предельными размерами укрепляемых участков, землеустроительными соображениями и т. п. Словом, во всех случаях какое-либо изменение владения допускается только по постановлениям земельных учреждений и по их распоряжениям.

Но в дальнейшем, после укрепления, в собственность участков из состава земель, подлежащих отчуждению для передачи земледельцам или для восстановления прав законных собственников, все полномочия земельных учреждений по отчуждениям оканчиваются и все последующие споры о праве собственности на эти земли и о нарушении владения ими подлежат уже на общем основании ведению только судебных установлений (Приказ о земле, ст. 1, 2, 6, 7, 10, 12, 13 и 17).

Меры к возможному сохранению при проведении в жизнь закона существующих хозяйств и их нормальной производительности выражаются в том:

1) что при укреплении в отдельных имениях земли, подлежащей отчуждению, в первую очередь передаются трудящимся на земле хозяевам пахотные, сенокосные и выпасные угодья, «не обрабатываемая самими собственниками, или оставленная ими без надлежащего использования, либо сдаваемая обычно в аренду за деньги или из части урожая», а затем уже земли, на которых ведет хозяйство сам собственник (Приказ о земле, ст. 3); и

2) что волостные земельные советы обязаны «принимать меры к тому, чтобы каждому хозяину, засеявшему или обработавшему под посев землю, при всех перемещениях или изменениях землепользования было бы обеспечено получение урожая его посева и вознаграждение за вложенный в землю труд по ее обработке (Приказ о земле, ст. 16, п. 3).

Наряду с этим на волостные земельные советы возлагается вообще забота и ответственное попечение о производстве на землях волости своевременной и надлежащей обработки, засева и сбора урожая, для чего советы могут принимать все соответствующие меры и в необходимых случаях брать в свое распоряжение и заведывание необрабатываемые участки и сдавать их в аренду, привлекая к содействию по делам этого рода должностных лиц сельского управления (Приказ о земле, ст. 18).

Устанавливая порядок отчуждения и передачи трудящимся на земле хозяйствам угодий сельскохозяйственного пользования, Земельный приказ допускает также возможность перехода таких угодий к мелким земледельцам путем покупки их от прежних собственников по добровольным сделкам (Приказ о земле, ст. 4, 8, и 11, п. 4).

Стеснительное условие, которое при этом ставится, – это одобрение таких сделок волостными земельными советами (Приказ о земле, ст. 14, п. 6), что необходимо для устранения обхода правил закона путем подобных сделок. Земли, перешедшие земледельцам по подобным сделкам о купле-продаже, не облагаются выкупными платежами (Приказ о земле, ст. 8).

С той же целью предупреждения обхода закона и все вообще добровольные сделки о купле-продаже земель сельскохозяйственного пользования в пределах волости могут быть совершаемы не иначе как по одобрении их волостным земельным советом (Приказ о земле, ст. 14, п. 6). Правило это, однако, как пришлось разъяснить позднее, не распространяется, конечно, на земли, не подлежащие отчуждению, продажа и купля которых может совершаться свободно на общих основаниях (Приказ от 3 октября 1920 г. № 163, ст. 4).

Проведение в жизнь земельного закона, согласно одобренному мною первоначальному проекту, предполагалось возложить на волостные земства, проект введения которого сенатором Глинкой мне был представлен одновременно с правилами Земельного приказа.

Но, решив приурочить к началу наступления войск издание последнего, я признал желательным по приезде Кривошеина земский проект обсудить еще раз поэтому, чтобы не задерживать проведение в жизнь осуществление земельных мероприятий, временно, впредь до выведения волостного земства и прочного установления и упорядочения земской жизни на местах, и решил возложить на волостные и уездные земельные советы, учрежденные временно на один год, для этого было издано приложенное к Приказу о земле «Временное положение о земельных учреждениях».

Это нисколько не нарушало моего решения – передать земельное дело самому земледельческому населению, так как, по Положению о земельных учреждениях, члены волостных земельных советов должны были избираться особыми волостными земельными сходами, составляемыми из того же круга лиц и избирающими членов из той же среды, как и в волостных земствах, а именно из мелких земельных собственников крестьянского типа, с участием старших представителей от владеющих землею в пределах волости церковных причтов и училищ и всех прочих землевладельцев. Равным образом и в уездных земельных советах преобладают члены, избираемые теми же волостными земельными сходами.

С утверждением же и изданием 15 июля 1920 года «Положения о волостном земстве» окончательно установлен намеченный ранее порядок и право избрания земельных советов перешло к волостным земским собраниям.

Согласно Временному положению о земельных учреждениях каждый «волостной земельный совет» должен был состоять не менее чем из 5 и не более чем из 10 избираемых волостными земельными сходами членов, которые избирают из своей среды председателя. Правительственные служащие, главным образом землемеры и землеустроители, командированы лишь в помощь волостным земельным советам, по их о том ходатайствам, и решающего голоса на советах даже не имеют (Временное положение, ст. 2, 5, 6 и 8).

Уездные земельные советы состоят под председательством уездного посредника по земельным делам из председателя уездной земской управы, мирового судьи, представителя от ведомства финансов и избираемых волостными земельными сходами представителей от волостей в числе не менее четырех (Временное положение, ст. 10).

Этим-то двум учреждениям, из коих первое состоит исключительно из выборных от местного населения лиц, а второе – из них не более чем наполовину, я и решил предоставить самые широкие полномочия.

Все земельные дела, как то: производство обследований, установление норм, определение прав земледельцев на укрепление за ними земли, распределение земли, отвод участков, возвращение неправильно захваченных земель законным их собственникам и другие – разрешаются этими учреждениями окончательно и только в двух случаях требуется утверждение высшей правительственной власти, а именно: при установлении предельного размера владения сельскохозяйственными угодьями, менее которого не может быть оставлено у всякого земельного собственника при отчуждении его земли, и всех оснований оценки отчуждаемой земли (Приказ о земле, ст. 2, 4, 6, 10, 14, и 18 и Временное положение о земельных учреждениях, ст. 9 и 12).

В целях сохранения должного влияния правительственной власти на ход дела, постановления уездных земельных советов могли быть отменяемы высшею губернской властью, но лишь в случае нарушения общих узаконений и постановлений правительственной власти либо законных прав частных лиц и интересов общественных и государственных (Временное положение о земельных учреждениях, ст. 14).

Таким образом, Приказ о земле от 25 мая 1920 года действительно передавал все земельное дело в руки самого земледельческого населения. Что касается правительственных должностей по земельным делам, каковыми являлись губернский и уездные посредники, то их обязанности сводились лишь к объединению деятельности уездных и волостных земель-

ных учреждений и оказанию всяческого содействия к успешному выполнению ими лежащих на них обязанностей в полном соответствии с требованиями закона.

* * *

15 июля появился приказ мой о волостном земстве:

«Приказ

*Правителя и Главнокомандующего
Вооруженными силами на Юге России.*

№ 94. Севастополь.

15 (28) июля 1920 года.

(По гражданскому управлению.)

Переход земли в собственность обрабатывающих ее хозяев и раздробление крупных имений на мелкие участки предreshают изменение прежнего строя земского самоуправления.

К трудной и ответственной работе по восстановлению разрушенной земской жизни необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников из числа трудящегося на земле населения.

Кому земля – тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения.

Только на этом начале построенное земское самоуправление я считаю в настоящее время прочной опорой дальнейшего государственного строительства.

В уверенности, что широкие круги хозяйственного крестьянства, самой жизнью призываемые ныне к преобладающему участию в устройстве земского дела на местах, дружно откликнутся на этот призыв, выдвинут из своей среды наиболее способных работников и тем посильно послужат общей нашей задаче спасения Родины, приказываю: впредь до установления общегосударственной властью окончательного порядка земского самоуправления вводить в действие в местностях, занимаемых войсками Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, утвержденное мною 15-го сего июля Временное положение о волостных земствах.

Генерал Врангель».

Разработка правил о восстановлении земского самоуправления производилась при участии представителей от земских учреждений и ряда приглашенных сведущих лиц. Первоначальный проект волостных земств, представленный сенатором Глинкой, потребовал дальнейшего развития правил об уездном земстве.

И обнародование Временного положения о земском самоуправлении сильно отстало от земельного приказа, что несколько затруднило даже и проведение его в жизнь. Мысли мои, легшие в основание предположенного порядка земской жизни, «по-новому», весьма ярко изложены были моим сотрудником в этом деле, бывшим министром земледелия А. В. Кривошеиным, в данном им интервью газете «Великая Россия».

Интервью это появилось в виде передовицы, под названием «Ставка на деревню».

«К интенсивному и свободному строительству призваны Главнокомандующим, – говорит Кривошеин, – новые силы, широко поставлен вопрос о децентрализации земского управления в связи с созданием и укреплением целого класса мелких собственников – по Земельному приказу от 25 мая 1920 года.

Я имею сведения, что, наряду с другими обстоятельствами, принятые меры имели влияние на постановку правительством Франции вопроса о нашем признании, чего не удава-

лось добиться ни генералу Деникину, войска которого доходили до Орла, ни владевшему всей Сибирью адмиралу Колчаку.

Земельный приказ обязывал сделать и второй шаг.

На очереди встал вопрос об организации управления и самоуправления на местах.

Главнокомандующий решает его так же смело в направлении привлечения мелкого земельного собственника к участию в местном самоуправлении.

Под скромным названием нашего закона ускользает все значение этого шага на пути намеченного нами общего плана преобразования земской жизни.

Революция передвинула все устои, изменила все условия жизни.

Нам ясно, что должны быть изменены и формы управления на местах.

По нашему закону вся деятельность уездного земства перенесена на волость.

При пространствах русской жизни это одно уже само по себе колоссальное благо. Мы отдали мелким крестьянским собственникам не только власть земскую, но и власть административную.

В этом отношении наш закон идет дальше любого из западных.

Будущее же уездное земство получает права губернского.

Мы готовы идти и дальше.

Но будущее зависит от того, как покажет себя, с точки зрения государственности и национальной культуры, класс мелких собственников и привлекаемое к деятельному участию в земстве крестьянство.

Справятся ли эти элементы с тяжелой задачей?

Как обеспечена будет церковь, какова будет новая школа, больница, суд? От этого будет зависеть весь дальнейший ход намеченных реформ...

Вместе с покойным П. А. Столыпиным, – добавляет А. В. Кривошеин, – я работал над поднятием экономического благополучия русской деревни.

Я глубоко верил в ее здравый государственный смысл.

Верю и теперь.

Сейчас мы делаем необходимую смелую попытку устройства будущего земского и государственного порядка.

Верим, что она приведет к оживлению национального культурного строительства».

Главные основания Временного положения о волостном земстве, развитого впоследствии положением и об уездном земстве (Приказ от 12 октября 1920 года), состояли в следующем:

Гласные волостных земских собраний избираются из своей среды сельскими избирательными сходами, составляемыми из следующих, достигших 25-летнего возраста, лиц:

1) на сходе этом участвуют все домохозяева-крестьяне, имеющие собственную наделенную или иную землю и ведущие самостоятельное полевое или хоть приусадебное хозяйство, и

2) все приписавшиеся по собственному выбору к ближайшему сельскому сходу: а) землевладельцы всякого звания, по одному на каждое владение, независимо от его размера; б) настоятели православных церквей, представители религиозных обществ всех исповеданий, если только церкви и общества владеют землей в пределах волости; в) арендаторы имений, имеющие в пределах волости оседлость не менее трех лет, если ведут самостоятельно сельское хозяйство или имеют торгово-промышленное либо фабрично-заводское предприятие, и г) представители казенных и общественных учреждений, торговых и промышленных обществ и товариществ по одному от каждого, если эти учреждения, общества и товарищества владеют в пределах волости недвижимой собственностью (Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 10).

Число гласных на каждую волость определяется особым расписанием: оно составляется начальником уезда и утверждается губернатором с тем, чтобы на каждый избирательный сельский сход, имеющий не менее 200 избирателей, по возможности, приходился хотя бы один гласный, но чтобы общее число гласных в волости составляло не менее 20 и не более 40 человек.

Избирательные сходы, содержащие менее 200 избирателей, самостоятельных выборов не производят, а присоединяются к соседнему избирательному сходу (Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 9).

Таким образом, к участию в сельских избирательных сходах допускаются только лица, имеющие прямое отношение к земле, работающие на ней. Состав этих сходов, по сравнению с составом волостных земельных сходов, созываемых для избрания волостных земельных советов, гораздо шире, так как в эти избирательные собрания входят все крестьяне – домохозяева поголовно, с правом самостоятельного голоса, а не в качестве десятидворных выборных.

Избранные волостные гласные на первом же своем собрании избирают из своей среды председателя, а затем волостную земскую управу в составе председателя и не менее трех членов. По желанию собрания, должности председателя волостного земского собрания и волостной земской управы могут быть совмещаемы (Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 21 и 22).

Уездные земские собрания состояются из гласных, избираемых волостными земскими собраниями «по два от каждого собрания – в уездах с числом волостей не выше 15 и по одному – в прочих уездах» и несколько гласных от входящих в состав уезда городов, по выбору городских дум, в количестве по особому расписанию.

Кроме того, в состав уездного земского собрания на правах его членов входят: весь состав уездной земской управы и по одному представителю от каждой волостной земской управы уезда, городские головы городов, не выделенных в особые земские единицы, и по одному представителю от православной церкви, от одного из неправославных исповеданий, преобладающего в уезде, и от управления земледелия и землеустройства, в случаях когда у означенных учреждений имеется в пределах уезда недвижимость (Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 9).

Уездные земские собрания избирают из своей среды председателя и из лиц имеющих право быть избираемыми уездными земскими гласными – председателя и членов уездной земской управы, в количестве по определению самого земского собрания.

Волостные земские собрания, кроме управы, избирают еще из числа лиц, пользующихся правом участия на сельских избирательных сходах, и волостные земельные советы, состав и порядок действия коих определяется Временное положение о земельных учреждениях от 25 мая 1920 года, а также по одному от волости представителю в уездный земельный совет.

Таким образом, дело землеустройства в волости всецело переходит в ведение местного земства, причем и уездное земство принимает участие в земельных делах, но только через председателя уездной земской управы; последний включается в состав уездного земельного совета (Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 25).

Так все земское дело вестись должно волостными и уездными земскими собраниями, которым принадлежит общая распорядительная власть и надзор за исполнительными органами.

Волостные же и уездные земские управы являются исполнительными земскими органами, на обязанности которых лежит подготовка к слушанию земскими собраниями подлежащих их рассмотрению дел и финансовых смет, непосредственное заведывание всем зем-

ским хозяйством и ответственное исполнение всех распоряжений и постановлений земских собраний.

*В кубанской станице.
Фотография. Конец XIX в.*

С введением волостных земских управ к ним переходят все обязанности прежнего волостного правления; председатели волостных земских управ пользуются правами волостных старшин. Поэтому сословные волостные правления действительно по общему положению о крестьянах 1861 года упраздняются по мере образования новых учреждений по закону 15 июля 1920 года (Врем. пол. вол. земск. учр. ст. 4 и врем. пол. уездн. земск. учр., ст. 1, 14 и 20).

Все дела, отнесенные в ведение уездного земства, по земскому положению 1892 года, распределены так, что волостные земства ведают только делами волостного масштаба, дела же и вопросы, затрагивающие интересы не одной, а двух и более волостей или целого уезда, по-прежнему сохраняются в компетенции уездных земств (Врем. пол. вол. земск. учр., ст. 3 и врем. пол. уездн. земск. учр., ст. 1).

Затем между волостным и уездным земством главнейшие дела распределяются так:

1. Волостному земству принадлежит заведывание всеми земскими сборами и повинностями денежными и натуральными, следовательно, раскладка и надзор за выполнением повинностей: а) по снабжению войск и населения продовольствием и фуражом, по требованию военных и гражданских властей; б) всякого рода натуральных повинностей хлебных и денежных и сборов за землю, по Приказу от 25 мая 1920 года.

На том же земстве лежит разрешение через волостные земельные советы вопросов землепользования и организация содержания государственной стражи (Врем. пол. вол. земск. учр., ст. 3, пп. 2, 5 и 12).

2. Уездному земству принадлежит: а) наблюдение за выполнением земских повинностей волостными земствами; б) распределение по уездам и волостям пользования и содержания земских зданий и сооружений; в) определение обязанностей доли участия отдельных волостей в содержании уездных земских установлений и предприятий, а также в образовании и использовании капиталов, имеющих общественное значение; г) раскладка между волостями тех общегосударственных сборов, разверстка коих возлагается на земские учреждения; д) распределение между волостями всех вообще поступающих через уездные земства на волостные земские потребности ассигнований, сборов и сумм; е) преподание указаний и инструкций волостным земствам по тем делам, кои, имея общеуездное значение, требуют по свойству своему единообразного или согласованного применения; ж) рассмотрение и утверждение волостных земских оценок и з) переложение натуральных повинностей в денежные (Врем. пол. уезд. земск. учр., ст. 1, п. 1 и ст. 15, пп. 1, 3 и 16).

Все земства ведут свое дело самостоятельно, но постановления волостных и уездных собраний требуют утверждения их высшей правительственной властью (губернской) лишь в трех случаях, точно определенных в законе: а) об отчуждении и залоге недвижимых имуществ; б) о займах, поручительствах и гарантиях со стороны земства и в) о заключении договоров с частными лицами – предпринимателями – относительно устройства и эксплуатации ими земских сооружений или предприятий общего пользования.

Все прочие постановления земских собраний могут быть только приостановлены: по волости – начальником уезда, а по уезду – губернатором, но лишь в том случае, когда ими будет усмотрено, что данное постановление:

1) не согласно с законом или постановлено с нарушением круга ведомства пределов власти либо порядка действий земских учреждений или

2) не отвечает общим задачам борьбы за восстановление государственности. В зависимости от причины приостановления постановления, вопрос окончательно разрешается: в первом случае – председателем съезда мировых судей (по волостным земствам) или окружным судом по административному его отделению (по уездным земствам) и во втором случае – общим присутствием уездного управления (по волостным земствам), в случае же несогласия губернатора с постановлением совета – высшей центральной правительственной властью (Врем. пол. вол. земск. учр., ст. 31 и 34–36 и вр. пол. уездн. земск. учр. ст. 33 и 35–39).

Вопрос о губернском земстве, его роли и деятельности в будущем строе земельных учреждений, ввиду коренных изменений всего строя земской жизни, я решил оставить открытым, считая его разрешение делом будущего.

* * *

Как Приказ о земле, так и Временные положения о земстве, армией и крестьянством встречены были, по всем собранным сведениям, благожелательно. До самых последних дней пребывания нашего на Родине наши войска пользовались со стороны крестьян всегда благоприятным отношением. Население должно было убедиться, что власть искренно желает идти навстречу чаяниям народа и прилагает все усилия к проведению в жизнь намеченных мер.

Ко времени оставления Крыма новый порядок землеустройства и земской жизни, задуманный, разработанный, объявленный и проводимый в жизнь с исключительной быстротой в течение полугода, начал понемногу осуществляться и применяться на практике уже в девяти волостях из ста семи, входивших в занятую нами территорию.

Надо думать, будь эти условия сближения дела армии с желаниями крестьянства налицо в те дни, когда Русская армия победоносно шла к Москве и освобождена была уже

от красного ига половина Русской земли, общий ход белого движения был бы иной... И, как знать, может быть, дни Советской власти были бы сочтены!

* * *

Необходимая подготовительная работа по проведению в жизнь Земельного приказа от 25 мая 1920 года была закончена к половине июня.

В занятых армией прифронтовых уездах: Мелитопольском, Днепровском и части Перекопского – имелся значительный земельный фонд, подлежащий отчуждению, и так как проведение в жизнь Приказа о земле именно здесь, в ближайшем противнику районе, имело особо показательное значение, то решено было в первую очередь открыть действия уездных по земельным делам советов и посредников в этих уездах, а затем постепенно вводить эти должности в южных уездах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.